

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

В.П. Курылев

**СКОТ,
ЗЕМЛЯ,
ОБЩИНА
У КОЧЕВЫХ
И ПОЛУКОЧЕВЫХ
КАЗАХОВ**

(вторая половина XIX—начало XX века)

Санкт-Петербург
1998

ББК 63.5
К 93

Монография посвящена наиболее актуальным проблемам номадизма — земельным общинным отношениям у кочевых и полукочевых казахов. Опираясь на обширный материал источников, а также собственных полевых исследований, автор высказывает ряд новых положений, касающихся общих вопросов кочевого феодализма и казахских кочевников, в частности. Особого внимания заслуживают его выводы о тесной связи общины с земельными (пастбищными) угодьями в разные сезоны года, а также предложение автора называть их общины кочевой семейно-родственной и полукочевой семейно-родственной.

Книга рассчитана на этнографов, историков, экономистов, социологов и специалистов смежных дисциплин

Ответственный редактор
Ч.М. Таксами

Рецензенты:
С.Г. Кляшторный, М.А. Родионов

*Утверждено к печати
Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук*

Публикация монографии осуществлена
благодаря финансовой поддержке АОЗТ «Орими трэйд»

К 0505000000
ISBN 5-88431-038-2

© В.П. Курылев, 1998
© МАЭ РАН, 1998

В науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они не были.

Л.Н. Гумилев

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы кочевого общества, его истории и культуры начиная с его становления и вплоть до упадка, его взаимоотношений и взаимосвязей с оседлым миром постоянно находились в кругу интересов ученых-этнографов. Особое внимание уделялось вопросам общинных отношений, в первую очередь — земельно-общинных. И это понятно, ибо община, представляя собой производственный и социально-бытовой коллектив, неизбежно была связана с землей. Земельные отношения в любом обществе доиндустриального периода находились в довольно сложном переплетении различных форм землепользования. К этому необходимо добавить, что земельно-общинные отношения у кочевников-скотоводов при наличии определенных общих закономерностей имели и отличия как внутри каждого народа, так и в разные периоды его исторического развития. Последнее обстоятельство послужило основной причиной обращения к исследованию земельно-общинных отношений у кочевых и полукочевых казахов, которые в наибольшей степени сохраняли типы скотоводческого хозяйства до недавнего времени.

С хронологической точки зрения мы ограничили наше исследование второй половиной XIX—началом XX в. Это ограничение связано с двумя основными факторами. Во-первых, в этот период со все более возрастающей силой происходило воздействие на традиционные для кочевых и полукочевых казахов формы землепользования порядков, господствовавших в Российской империи, вплоть до объявления царским правительством в реформах 60-х, а затем 80—90-х гг. прошлого века казахских земель собственностью Российского государства с передачей их в бессрочное пользование казахам («Положение об управлении Туркестанским краем», 1886 г.; «Положение об

управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», 1891 г.). Во-вторых, исследования земельных порядков, складывавшихся в этот период в Казахстане под влиянием вышеуказанных причин и на основе господствовавших патриархально-феодальных отношений, позволяют с определенной степенью достоверности представить с максимально доступной детализацией все формы землепользования кочевых и полукочевых казахов в канун Октябрьской революции.

В соответствии с поставленной задачей предлагаемая работа в структурном отношении состоит из четырех глав.

В первой из них в сжатой форме рассматриваются природно-климатические особенности Казахского края, в значительной степени повлиявшие на формирование и развитие определенных типов скотоводческого хозяйства казахов: кочевого и полукочевого. В этой же главе кратко рассматриваются основные признаки этих хозяйств.

Вторая глава посвящена изучению землепользования казахов в период, предшествующий изучаемому, т.е. времени Казахских ханств, так как без этого невозможно правильно понять, на каком фундаменте складывались последующие общинно-земельные отношения. И, наконец, третья и четвертая главы посвящены основной теме, а именно: изучению земельно-общинных отношений соответственно у кочевых и полукочевых казахов в скотоводстве.

Необходимо отметить, что в русской дореволюционной и современной литературе имеется значительное число работ, посвященных исследованию изучаемой нами проблемы, или же в той или иной степени затрагивающих ее. Однако до настоящего времени среди специалистов нет единого взгляда ни на общие процессы исторического развития казахского общества вплоть до оценки его формационного положения (что, впрочем, можно сказать и в отношении других, в прошлом кочевых народов), ни на земельно-общинные отношения. В то же время эта литература содержит богатейший, можно сказать неоценимый банк фактического материала, раскрывающего необычайное многообразие форм землепользования у кочевых и полукочевых казахов в исследуемое время, в том числе по отношению к земельным угодьям, непосредственно связанным со скотоводством: сезонным пастбищам, кочевым путям и сезонным участкам.

Мы попытались в своей работе выяснить главные закономерности, тенденции развития форм землепользования, показав и отмеченное выше многообразие, иногда даже рискуя перегрузить ее фактическим материалом. Богатство литературы по исследуемой проблеме не позволяет нам не только охарактеризовать все имеющиеся в нашем распоряжении работы, но даже просто перечислить их. Остановимся на наиболее существенных из них.

Одной из первых работ такого рода является труд, подготовленный офицером генерального штаба для раздела «Материалы для статистики и географии России» М. Красовским «Область сибирских киргизов».¹ В этой работе, состоящей из трех частей, дается довольно подробное описание земельных угодий казахов, связанных со скотоводством, хотя большинство сведений о них относится к первой половине XIX в. Ее как бы дополняет книга Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства», где также говорится о сезонных земельных пастбищах казахов Западного Казахстана.² В одной из первых значительных работ о казахах, принадлежащей А. Левшину, приводятся, правда очень кратко, сведения о кочевках и формах землепользования в более ранний период — до начала XIX в.³

Весьма ценной работой по скотоводству казахов в изучаемое нами время является книга А.И. Добросмыслова «Скотоводство в Тургайской области». Основным источником для написания этой работы послужили личные наблюдения в течение двух лет работы в Тургайской области как самого автора, так и его коллег — ветеринарных врачей.⁴ Таким образом данная работа носит характер самого достоверного первоисточника по всем вопросам, которые в ней затрагиваются, в том числе и землепользованию. К сожалению, последнему в ней уделено слишком мало места. Важные сведения о землепользовании у казахов Сырдарьинской области содержатся в монографии Н. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области». Данная работа, как и предыдущая, носит источниковедческий характер, ибо написана в основном на материалах, собранных Г. Вышнегорским во время почти семимесячного пребывания среди казахов и киргизов указанной области.⁵ Ценные замечания по земельным порядкам у кочевых и полукочевых казахов содержатся в трудах А.К. Гейнса.⁶

Большое внимание в дореволюционный период уделялось изучению казахского обычного права, в том числе и по отно-

шению к земельным угодьям. Было собрано и частично опубликовано много фактического материала. Все эти работы вошли в сборник «Материалы по казахскому обычному праву». В нем содержится ряд весьма ценных замечаний по казахскому землепользованию во второй половине XIX—начале XX в. Эти материалы также носят характер первоисточников, однако необходимо учитывать, что собирались они главным образом у казахской феодальной знати.⁷

Большое число фактов по изучаемой нами проблеме содержится в многочисленных статьях о казахах, опубликованных в различных периодических изданиях XIX—начала XX в.⁸ Среди них особо следует отметить статьи Н. Остафьева «Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве»,⁹ Н. Изразцова «Обычное право (“адат”) киргизов Семиреченской области»,¹⁰ Н. Коншина «Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк первый: Киргизы на казачьих землях» и др.¹¹

Уникальный и необъятный по объему фактический материал содержится в публикациях экспедиций Переселенческого управления. Условно эти публикации можно разделить на четыре отдельные серии. К первой относятся издания материалов экспедиций, проводимых под руководством известного в России статистика Ф.А. Щербины, в 12 степных уездах Казахского края, которые находились под управлением Степного генерал-губернаторства (г. Омск).¹² Эти издания, по нашему мнению, наиболее ценны, так как в специально выделенной рубрике под названием «Примечания к пообщинным таблицам» приводятся краткие сведения по всем обследованным общинным группам, которые зачастую представляют собой кочевую или полукочевую семейно-родственную общину. Как правило, в этих сведениях есть указание на принадлежность к определенному роду, краткая характеристика всех видов сезонных пастбищ и их принадлежность, форма пользования сенокосными участками и т.д. По некоторым уездам дается также довольно подробное описание ряда волостей.¹³ Вторую серию публикаций материалов экспедиций Переселенческого управления составляют издания повторного обследования степных уездов Казахстана.¹⁴ Материалы по исследованию казахского землепользования в Сырдарьинской области содержат публикации третьей серии. К сожалению, вопросы землепользования казахов в них освещены значительно более сжато, а также отсутствуют данные по

отдельным таблицам.¹⁵ Зато они имеются в публикациях материалов обследования казахских хозяйств в Семиреченской области, которые входят в четвертую серию работ.¹⁶

Надо сказать, материалы, собранные во время экспедиций Переселенческого управления, легли в основу работ, полностью посвященных вопросам землепользования у казахов или же так или иначе затрагивающих эту проблему. Среди них в первую очередь необходимо назвать труды Л.К. Чермака о формах казахского землепользования,¹⁷ П.П. Румянцева,¹⁸ А.А. Кауфмана¹⁹ и др.

Богатейший фактический материал публикаций Переселенческого управления стал одним из основных источников для нашей работы. В то же время мы не смогли согласиться с некоторыми теоретическими положениями, выдвинутыми в них, о чем и указывается в соответствующих местах работы.

Существует богатая советская литература по патриархально-феодальным и тесно связанным с ними земельно-общинным отношениям у кочевых скотоводческих народов. Однако среди современных исследователей нет единой концепции по этим проблемам. Более подробно мы это рассматриваем во второй главе нашей работы, куда и отсылаем читателя. Здесь же хотелось бы обратить внимание еще на один аспект взаимосвязи между феодальным способом производства и землепользованием, который, с нашей точки зрения, до последнего времени вообще не затрагивался.

Как известно, понятие феодализма (сущность феодального способа производства) основано на сочетании крупного землевладения феодалов и мелкого индивидуального хозяйства производителей-крестьян, эксплуатируемых путем внеэкономического принуждения. Подчеркнем, что крестьяне при феодализме имели на свои участки земли такие же законные права, как и сами феодалы.²⁰ И все же вплоть до настоящего времени многие вопросы, связанные с феодальной земельной собственностью, продолжают оставаться дискуссионными. Так, некоторые исследователи считают, что при феодализме вообще не было поземельной собственности, а были лишь владение и пользование землей.²¹

Мы остановимся только на одной, совершенно не разработанной проблеме, а именно: на самой тесной связи между феодальной земельной собственностью и развитием феодализма, с одной стороны, и различием плодородия почвы — с другой.

Некоторые исследователи считают, что наличие свободных земельных массивов оказывало негативное воздействие на генезис феодализма, его развитие, ослабляло его действие, и даже, согласно некоторым авторам, препятствовало возникновению феодальной земельной собственности, а следовательно, и самого феодализма. М.В. Калгаров пишет об этом следующее: «Превращение аллода в зависимое владение через коммendaцию можно считать главным путем развития феодального землевладения в России. Но это был более медленный и затяжной путь развития, чем тот путь, по которому шло развитие феодального землевладения на Западе. Там исчерпание земельных фондов принудило уже в VIII в. Карла Мартелла, как указывает Энгельс, перейти от пожалования в аллод к пожалованию в условное владение землей, что сразу вело к образованию феодальной иерархии и феодальных отношений. В России земля хоть и жаловалась, но почти до конца XV в. исключительно в вотчину, т.е. в аллод. Да иначе и не могло быть при наличии больших земельных просторов. Вот почему феодализм в России не получил своей законченной формы, как на Западе, не только в X, XI вв., но и XV столетии, когда на Западе он склонился уже к своему упадку».²² Итак, основную причину замедленного развития феодализма в России автор видит в наличии больших свободных земельных массивов. То же самое можно сказать по отношению к кочевым обществам. Так, некоторые исследователи считают, что у кочевников, в силу специфики их производства, не было и не могло быть феодализма. Например, Г.Е. Марков утверждает: «Анализ фактического материала показывает, что у кочевников отсутствовала феодальная собственность на средства производства и по большей части отсутствовали феодальные производственные отношения».²³

Другие авторы считали, что у кочевых народов были неразвитые феодальные отношения, которые основывались на частной собственности только на скот. Известный казахский исследователь С.Е. Толыбеков пишет об этом следующее: «Кочевое общество казахов в XV—XVIII вв. в своих основных чертах характеризовалось кочевым скотоводством с большим радиусом кочевания, частным скотовладением при общинном владении пастбищем, патриархальным рабством и полуфеодальной эксплуатацией, родоплеменным устройством с калымом и многоженством, выражавшими порабощенное положение женщин, военно-племенным полуфеодальным государ-

ственным образованием в виде кочевого ханства с данью и данническими отношениями, непрерывной грабительской внешней и внутренней войной, неписанным обычным правом, культом предков и скота. Все эти явления были между собой связаны и в совокупности определяли достигнутый уровень развития кочевого скотоводческого общества как патриархально-феодального».²⁴

И, наконец, третья группа исследователей считает, что в кочевых обществах развивались в той или иной степени феодальные отношения, вернее сказать, патриархально-феодальные, в силу сохранения в целости многих функций кочевой общины. Эти отношения, как и у оседлых народов, были основаны на частной собственности на землю и скот как основные средства производства, конечно, с особенностями, характерными для кочевого хозяйства. Автор также придерживается данной точки зрения.

В качестве одного из основных аргументов сторонники отсутствия феодальной земельной собственности у кочевых народов указывают, как уже отмечалось выше, на наличие больших свободных земельных пространств у этих народов. Так, например, Г.Е. Марков в отношении туркмен сообщает, что «ни на колодцы, ни на пастбища частной собственности в полном смысле этого слова не возникло. В ней просто не было нужды при наличии больших свободных пространств».²⁵ То же самое он утверждает по отношению к казахам, ссылаясь при этом на дореволюционного автора П.П. Румянцева. Последний, основываясь на неопубликованных данных, писал, что «при полном господстве кочевого быта признаки землепользования, собственно говоря, отсутствуют. Киргизы (казахи — В.К.) и лето и зиму перегоняли скот с места на место, перенося с собой и свои жилища-юрты. В это время земли было так много, что прав собственности на нее не существовало».²⁶ На отсутствие феодальной земельной собственности у казахов из-за обилия свободных, незанятых земель ссылается и С.Е. Толыбеков. «Нельзя не согласиться, — пишет он, — с мнением С.Л. Фукса о том, что наличие свободных земель, могущих служить сезонным пастбищем, было серьезным препятствием для превращения земли, пастбищ в монополию ханов и султанов и основное орудие феодальной эксплуатации».²⁷

Представляется, что подобные рассуждения не раскрывают полностью содержание данного явления, и, в связи с этим,

приводят к отмеченным выше ошибочным заключениям. Действительно, в Казахстане, а также во многих других странах, например, в Киевской Руси, в период возникновения и развития феодализма наличествовали свободные, незанятые земли. Однако это не должно было кардинальным образом влиять ни на зарождение феодальных отношений, ни на их развитие, а, следовательно, и на зарождение и развитие феодальной земельной собственности. Это становится очевидным, если учитывать следующее важное и объективно существующее обстоятельство: в природе различные участки земли отличаются друг от друга своим плодородием, иногда очень существенно. Иначе говоря, имеются как лучшие по плодородию земельные участки, так и худшие. Естественно, первые были и более производительными в результате наличия определенной естественной силы, которой обладает, как это доказал К. Маркс, только земля. К этому необходимо еще добавить, что только земля имеет двойную монополию: во-первых, как объект хозяйства, и, во-вторых, как объект собственности. Для доказательства позволим себе обратиться к разъяснению этого положения К. Марксом на примере фабрик, из которых одни работают с помощью паровых машин, а другие — естественных водопадов. «Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в овеществленной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем производительная сила труда, применяемого в большинстве фабрик такого же рода. Его большая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того требуется и меньшее количество живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке. Эта большая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше... Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше... Избыток над этой разностью (т.е. раз-

ностью между его низкой ценой производства и более высокой общей ценой производства — *В.К.*) предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже... Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на содержание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий при помощи паровой машины, тоже применяет естественные силы, которые ему ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство жизненных средств, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизуются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т.д. Фабрикант оплачивает уголь, а не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т.д. Эта монополизация сил природы, то есть обусловливаемого ими повышения производительности рабочей силы, присуща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Но с добавочной прибылью фабриканта, использующего водопад, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда в связи с использованием естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, например, упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства, то есть не такой естественной силы, применение которой разумеется само собой, раз капитал вообще применяется в этой сфере, а такой естественной силы, которую можно монополизировать, которой, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вме-

сте со всем тем, что находится на их территории. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому, как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т.п., а с определенными природными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, не допускают фабрикантов, у которых нет водопадов, к применению этой естественной силы, так как земли, тем более земли с источниками водной силы, — ограничены... Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца... Эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей».²⁸

То же самое, что было доказано благодаря этой весьма затянувшейся, но, по нашему мнению, необходимой цитате, можно сказать и в отношении различия плодородия земли, т.е., что есть очень плодородные земли, обладающие большой естественной производительной силой, и есть менее плодородные, а иногда и совсем неплодородные.

Совершенно закономерно считать, что высокое плодородие отдельных участков земли — это те самые дополнительные естественные производительные силы, которые проявляются, во-первых, только при хозяйствовании на этих участках, и во-вторых, в том, что число таких участков всегда было ограничено. Поэтому на них всегда возникала монополия, а, следовательно, и борьба за них, несмотря на то, что рядом были свободные, но менее плодородные земли.

К сказанному необходимо добавить, что при скотоводстве, особенно при кочевом скотоводстве в аридной и полуаридной зонах решающее значение в оценке земли, т.е. пастбищ, приобретала не столько сама земля, сколько наличие на ней источников воды для водопоя скота. П.П. Румянцев выразил это очень четко: «В это время земли было так много, что прав собственности на нее не существовало, и если между отдельными родами происходили споры за право кочевания на известной территории, то дело шло не о земле, а исключительно о водных источниках, которыми степь не богата и которые, поэтому, ценятся весьма высоко».²⁹ Перед нами убедительный при-

мер борьбы, или, как сказано, споров за лучшие участки (в данном случае за пастбища с водоемом), причем борьбы, происходившей в то время, когда земли было много. Автор явно противоречит себе, когда считает, что определенного обособления земли в это время не существовало. На самом деле она фокусировалась на те участки земли, где имелись колодцы, вернее сказать, сами колодцы находились в собственности одного хозяйства, общины или рода.

Приведем еще одно свидетельство автора середины прошлого века, т.е. периода, когда казахи еще не испытывали никакого земельного стеснения. «Иной (казак — В.К.) лет десять, как бросил зимовку, обеднев от падежа, баранты или других причин, однако же когда-нибудь да поправит свое состояние, возвращается на прежнее зимнее стойбище, а оно, понятно, уже занято другим, потому что все удобные в этом отношении местности в степи наперечет».³⁰ Подобных примеров можно привести много. Сошлемся для краткости только на то, что говорят наши оппоненты. С.Е. Толыбеков, например, пишет: «Со времени образования своего кочевого ханства и вплоть до завершения добровольного присоединения казахских жузов к России казахские племена и роды постоянно враждовали между собой».³¹

Борьбу за лучшие пастбища можно было наблюдать и у других кочевых народов. Так, Г.Е. Марков, ссылаясь на немецкого исследователя Якоба, пишет об арабах: «Хорошие пастбища приходилось защищать».³² То же он говорит о монгольских кочевниках: «Нередко из-за лучших мест вспыхивали ссоры, и если стороны не приходили к согласию, то кому-то приходилось искать себе новые пастбища».³³ И, наконец, он же приводит пример по кочевникам Тибета: «Исследователь Тибета М. Германис... утверждает, что пастбища принадлежали племенам, между которыми они были поделены, так как при экстенсивном скотоводстве кочевники нуждались в больших просторах, — между племенами шла борьба за лучшие пастбища».³⁴

На основании сказанного выше можно сделать следующее заключение. При объективной ограниченности земли вообще и ограниченности выбора лучших по плодородию или другим каким-либо качествам земельных участков всегда шла борьба за лучшие ее участки, вне зависимости от наличия других, более худших по качеству участков, даже если последних было

много. Это же, в свою очередь, приводило к тому, что земельные отношения, в том числе феодальные, формировались только в расчете на лучшие земельные угодья, которые в первую очередь монополизировались, т.е., иначе говоря, становились собственностью. Даже при больших земельных площадях в расчет принимались лишь лучшие участки, и, следовательно, постоянно наблюдалась относительная земельная теснота, относительная к лучшим участкам, их нехватка. Это порождало захват в первую очередь лучших земель, а затем и борьбу за них. Захват же земель, как об этом сообщает К. Маркс, приводит к собственности на нее: «Отношение к земле как собственности всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель»³⁵

Итак, наш основной вывод заключается в том, что на генезис и развитие феодализма и соответственно феодальных земельных отношений не могло оказывать негативного влияния наличие свободных массивов ввиду действия объективного закона различия плодородия и качества земли.

Закончив на этом несколько необычное для введения теоретическое отклонение, укажем на основные источники нашей работы. К ним относятся, прежде всего, как уже отмечалось, богатейший фактический материал, содержащийся в публикациях экспедиций Переселенческого управления, которыми были охвачены почти все уезды Казахстана. Много ценных данных почерпнуто из документов, хранящихся в различных архивах нашей страны, Казахстана и Узбекистана. Одним из основных источников являются материалы полевых исследований автора в 1971—1988 гг. в Кызыл-Ордынской, Гурьевской, Мангышлакской, Тургайской, Павлодарской, Джамбулской, Чимкентской и Восточно-Казахстанской областях.

Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность своим многочисленным информантам, в рассказах которых оживала повседневная жизнь казахов до их принудительной седентаризации и коллективизации в 30-х годах нынешнего столетия.

В целях более полного освещения поднимаемых в данной работе положений фактический материал располагается, как правило, в следующем порядке: сначала данные письменных источников, затем — архивные и, наконец, материалы полевых исследований автора. По мере возможности фактический мате-

риал дается по основным регионам Казахстана (Западный, Северный, Южный и Восточный).

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов // Материалы для статистики и географии России. В 3 ч. СПб., 1868.

² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.

³ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч.3.

⁴ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

⁵ Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области // Юридический быт. Ташкент, 1889. Т.1.

⁶ Гейнс А.К. Собр. лит. тр. Т.2. СПб., 1898.

⁷ Материалы по казахскому обычному праву. Сб.1. Алма-Ата, 1948.

⁸ «Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО», «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», журналы: «Военный сборник», «Современник», «Сибирский вестник», «Вопросы колонизации», в памятных книжках отдельных областей Казахского края, а также некоторых газет на местах.

⁹ Остафьев Н. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1895. Кн.18, вып.2.

¹⁰ Изразцов Н. Обычное право («адат») киргизов Семиреченской области // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Вып.1—5.

¹¹ Кошкин Н. 1)К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние // Памятная книжка Семипалатинской обл. Семипалатинск, 1898; 2)Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской обл. Очерк первый: Киргизы на казахских землях // Там же. 1901. Вып.V.

¹² Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (в дальнейшем — МКЗ). Т.1: Акмолинская обл., Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898; Т.2: Атбасарский уезд. Воронеж, 1902.; Т.3, ч.1: Акмолинский уезд. СПб., 1907; Т.11: Омский уезд. Омск, 1902.; Т.12: Петропавловский уезд. Чернигов, 1908; Т.4: Семипалатинская обл. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903; Т.6: Каркаралинский уезд. СПб., 1905; Т.8: Зайсанский уезд. СПб., 1909; Т.9: Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905; Т.10: Семипалатинский уезд. СПб., 1909; Т.5: Тургайская обл. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903; Т.7: Актюбинский уезд. Воронеж, 1903.

¹³ См., напр.: МКЗ. Акмолинская обл., Акмолинский уезд. Прим. к общим таблицам. С.3—123.

¹⁴ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл., Кокчетавский уезд. Повт. обл. 1907 г. СПб., 1909. Т.1.

¹⁵ МКЗ. Сыр-Дарьинская обл., Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911; Чимкентский уезд. Ташкент, 1910; Ташкентский уезд. Ташкент, 1911; Перовский уезд. Ташкент, 1912; Казалинский уезд. Ташкент, 1913.

¹⁶ Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. Т.1, вып.1: Лепсинский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1911; Т.2: Копальский уезд. СПб., 1913; Т.3: Джаркентский уезд. СПб., 1912; Т.4: Верненский уезд. СПб., 1913.

¹⁷ Чермак Л.К. 1)Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. 1908. № 23—24, 39—44; 2)Киргизское хозяйство в степном крае //

Район железной дороги Петропавловск—Спасский завод в экономическом отношении. СПб., 1912.

¹⁸ Румянцев П.П. 1) Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910; 2) Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. 1909. № 5.

¹⁹ Кауфман А.А. 1) К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907; 2) Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.249; Т.23. С.729.

²¹ Калгаров М.В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962. С.299—430.

²² Калгаров М.В. Указ. соч. С.400.

²³ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С.306.

²⁴ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С.374.

²⁵ Марков Г.Е. Указ. соч. С.226.

²⁶ Там же. С.142.

²⁷ Толыбеков С.Е. Указ. соч. С.365.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25, ч.П. С.191—196.

²⁹ Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. С.52.

³⁰ Красовский М. Указ. соч. СПб., 1868. Ч.3. С.19.

³¹ Толыбеков С.Е. Указ. соч. С.250.

³² Марков Г.Е. Указ. соч. С.255.

³³ Там же. С.59.

³⁴ Там же. С.296.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч.1. С.473.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ КАЗАХСТАНА И ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТИПЫ У КАЗАХОВ

Широко раскинулся Казахский край: он занимает территорию от низовий р. Волги на западе до гор Алтая на востоке (около 3 тыс.км) и от Западно-Сибирской низменности на севере — до мощных хребтов Северного Тянь-Шаня на юге (несколько менее 2 тыс.км). Казахстан расположен в середине великого степного пояса Евразии на почти равном расстоянии от Атлантического и Тихого океанов. Благодаря этому климат края сухой и резко континентальный. На крайнем севере Казахстана расположены лесостепи, переходящие к югу к смешанным разнообразно-злаковым степям, а к юго-западу — к полупустыням и пустыням.

Большим разнообразием отличается рельеф Казахстана. Здесь наряду с необозримыми низменностями, обширными плоскими впадинами, плато и низкогорными массивами имеются высокогорные районы с заоблачными горными вершинами, покрытыми вечными снегами. Так, одно из самых низких мест Евразийского материка расположено в западной части Казахстана: это впадина Карагие на п-ове Мангышлак, лежащая на 132 м ниже уровня моря, а мощные горные хребты на юге и юго-востоке страны достигают 5 тыс.м.

Основную часть территории Казахстана занимают Прикаспийская, Туранская и Западно-Сибирская низменности и плато: Бетпак-Дала, Устюрт, Эмбинское, Общий Сырт и Тургайское. Особо следует отметить расположенный в центральной части Казахстана обширный район Казахского мелкосопочника шириной от 40 до 100 км и длиной более 1 тыс.км, соединяющегося на востоке с горными системами Алтая, Саура и Тарбагатая, а на западе как бы переходящего в невысокие горы Мугоджары и южные отроги Урала. Издавна этот район казахи называют Сары-Арка.

Казахский мелкосопочник представляет собой в основном отдельные гряды сопок и невысоких горных хребтов, из которых наиболее значительны горы Улутау и Кокчетавские на западе и Кзылрай, Каркаралинские, Чингизтау и другие — на

востоке. Таков же по строению поверхности п-ов Мангышлак с невысокими горами, состоящими из двух параллельных хребтов: Актау и Каратау.

Южные и юго-восточные окраины Казахстана состоят из мощных горных хребтов, отделяющих его почти непрерывным поясом: на востоке это южные цепи Алтая (собственно Южный Алтай, Рудный Алтай и Калбинский хребет), к юго-востоку от него последовательно возвышаются хребты Саура, Тарбагатая и Джунгарского Алатау, на самом юге — северные цепи Тянь-Шаня (хребты Кетмень, Заилийский Алатау, северная часть хребтов Киргизского и Таласского Алатау). Северо-западные отроги Тянь-Шаня состоят из более низких гор (Чу-Илийские и Каратау). Горные области Казахстана занимают приблизительно одну десятую часть всей его территории и отличаются своеобразными природно-климатическими условиями.

Климат Казахстана континентальный. Для него типичны резкие колебания температуры (суточные и годовые), летняя жара и зимняя стужа, сухой воздух и незначительное количество осадков. Из-за быстрого охлаждения и нагревания суши переходы от зимних морозов к знойному лету и наоборот очень непродолжительны. В эти короткие весенние и осенние сезоны казахские степи представляют собой незабываемое зрелище. В апреле земля, увлажненная быстро растаявшим под весенними лучами солнца снегом, покрывается роскошным зеленым ковром с яркими цветами. В мае растительность достигает своего высшего расцвета... Но это продолжается недолго. Солнечные лучи становятся все более жгучими и уже в июне степь начинает желтеть, особенно в южных районах. Лето в Казахстане сухое и жаркое. Солнце на безоблачном небе сжигает все растения, дождя нет, многие речки и мелкие озера пересыхают. Поэтому казахи-скотоводы в это время уходят со своими стадами далеко на север края. В июле и августе южные степи безжизненны... Все снова изменяется осенью: спадает жара, идут дожди, и природа вновь оживает: все кругом покрывается зеленью. Но это ненадолго. В середине октября наступает суровая и длинная зима с частыми буранами и гололедами — бичом для казахских скотоводов. Бураны ослабляют скот, разгоняют его по степи, и он становится жертвой голода, стужи и хищных зверей. Еще страшнее — гололеды, когда после непродолжительной оттепели морозы сковывают землю

крепкой коркой льда. Тогда казахский скот, пасущийся круглый год на подножном корму, остается без пищи и большей частью погибает от истощения.

Такова общая характеристика природы Казахстана. Остановимся кратко на его климате, реках и озерах, почвенно-растительном покрове и основных природно-ландшафтных зонах.

При наличии огромных открытых пространств большое влияние на климат оказывают ветры. Летом здесь преобладают ветры западного направления. Они несут с собой раскаленный воздух, насыщенный пылью и мелким песком. Зимой над казахской степью господствуют холодные северные и северо-восточные ветры. Лишь иногда над нею проносятся, особенно в южной части, теплые потоки воздуха с юго-запада. Тогда устанавливается малооблачная погода с температурой воздуха в долинах и предгорных равнинах до 10—16° тепла.

В горах атмосферные процессы значительно отличаются от равнинной части Казахстана. Здесь направление ветра, распределение осадков, температура и влажность воздуха зависят главным образом от расположения, формы и степени поднятий горных хребтов, поэтому климат в горах очень разнообразен.

Для Казахстана характерны большие суточные, сезонные и годовые колебания температуры воздуха. Среднегодовая температура во всех равнинных местах положительная, а в горах свыше 2.5—3 тыс. м — отрицательная. Самый холодный месяц — январь. В это время морозы в Северном Казахстане достигают минус 50—55°. В то же время в южных районах нередко небольшие морозы прерываются оттепелью, а последующее похолодание приводит к гололедице.

Теплее всего в Казахстане в июле. В это время столбик термометра нередко поднимается на севере края до 38—40°, а на юге — до 45—50°.

В горных районах Казахстана температура воздуха, как было сказано выше, в значительной степени зависит от высоты, направления склонов и их рельефа. Например, летом с подъемом на каждые 100 м температура падает в среднем на 0.6°. Зимой температура на внешних склонах горных хребтов понижается на 0.3—0.4° на каждые 100 м подъема. На южных склонах на 5—9° теплее, чем на северных во все сезоны года. Поэтому издавна у казахов наиболее ценными зимними пастбищами считались южные склоны гор.

Влажность воздуха невелика. Она резко уменьшается в летнее время, особенно в период суховея, что приводит к засухе. Для всей равнинной части Казахстана характерен недостаток влаги, особенно в полупустынях и пустынях. Здесь в год выпадает всего от 100 до 300 мм осадков, в горных же районах — от 300 до 800 мм. Однако распределение влаги в горах Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау, Саур-Тарбагатай и Алтая происходит неравномерно.

Неодинаков и снежный покров и время его залегания в степях. Если на севере снег покрывает землю на 15—30 см и лежит до 120 дней в году, то на юге его толщина невелика и очень неравномерна, причем во время оттепелей нередко происходит полное таяние снега. К сказанному нужно добавить, что в различные годы количество выпадаемого снега резко колеблется, и в многоснежные зимы его выпадает в 2—3 раза больше, чем обычно.

В горах западные и северо-западные склоны хребтов покрыты снегом больше, чем восточные и южные. Мало снега также в защищенных от ветра котловинах и горных равнинах.

Реки Казахстана распределены очень неравномерно, хотя можно отметить, что в равнинной его части густота речной сети уменьшается по мере продвижения с севера на юг. В бассейн Северного Ледовитого океана впадает такая известная река, как Иртыш с притоками Ишим и Тобол. Они находятся в северо-восточной и восточной части края. К этому же бассейну относятся реки Уба, Ульба, Курчум и другие притоки Иртыша, берущие начало в горах Алтая, а также реки, не достигающие Иртыша: Селеты, Шидерты, Уленты и др. Бассейн Каспия включает р. Урал с притоками, Эмбу, Сагиз, Уил, Большой и Малый Узень и небольшие речки, стекающие с Эмбинского плато. Аральскому морю принадлежат реки Южного и южной половины Центрального Казахстана, прокладывающие себе путь в полупустыне и пустыне. Среди них в первую очередь необходимо отметить р. Сырдарью и ее приток Арысь. Район среднего течения Сырдарьи уже в период средневековья носил название Туркестан и имел большое значение для хозяйства казахских скотоводов (во-первых, как богатое зимнее пастбище для скота и, во-вторых, как место соприкосновения и обмена кочевников с древним оседло-земледельческим районом). К востоку и северу от Арала имеется ряд озер, в которые впадает немало рек и речек, среди них наиболее значительными явля-

ются Чу, Сарысу, Тургай, Иргиз и др. К Балхаш-Алакольской группе озер принадлежат реки юго-востока Казахского края, так называемого Семиречья: Или, Каратал, Лепса, Аксу и др. Как правило, эти реки берут начало в горах Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау. В Центральном Казахстане озера Каракол и Тенгиз имеют свои небольшие бассейны.

Для ведения хозяйства в условиях засушливого климата Казахстана большое значение имеют источники питания водой этих рек. Так, реки равнинной части края, в том числе Ишим и Тобол, питаются главным образом за счет таяния снегов и весенних дождей, а поэтому многоводны только весной. Реки же Иртыш и Или с многочисленными притоками, стекающими с гор, имеют смешанный характер питания, т.е. снего-дождевой и ледниковый. В результате они многоводны не только весной, но и летом, что позволяет использовать их воду для орошения полей. Такой же смешанный характер питания у Урала, Эмбы, Сагиза и Тургая. К осени количество воды в них уменьшается почти в 10 раз, а зимой они часто промерзают до дна.

В полупустынях и пустынях Казахстана много рек с соленой и горькой водой. Зато вода рек, берущих начало с ледников Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Алтая (Или с притоками, Каратал, Лепса и др.), — пресная и пригодна как для орошения, так и для питья.

Озера — богатство Казахского края. Самые крупные из них называют даже морями: Каспийское и Аральское. К другим крупным озерам относятся Балхаш, Алаколь, Зайсан, Тенгиз. Всего в крае несколько тысяч озер. Однако, во-первых, уровень воды в них резко колеблется как по сезонам года, так и от года к году (нередки случаи полного высыхания мелких озер), во-вторых, вода в них, особенно в Прикаспийской низменности, соленая и даже горько-соленая. Зато в горных озерах вода всегда пресная и прозрачная, как, например, в озере Маркаколь на Алтае.

Как реки, так и озера с их низкими берегами, поросшими камышом и другими растениями, имеют большое хозяйственное значение для казахов-скотоводов. Камыш — один из основных источников питания скота в зимнее время, а камышовые заросли — прекрасное укрытие от холодных зимних ветров и буранов. Поэтому долины рек, а также берега озер считаются наиболее подходящими местами для зимовки. В то же время

реки, особенно в засушливых районах Казахстана, где возможно только орошаемое земледелие, являются основными источниками орошения.

Грунтовые и подземные воды, главным образом в полупустынях и пустынях Казахского края, — зачастую единственные источники водоснабжения, однако добыча их довольно трудоемка, так как залегают они на значительной глубине. На Устюрте, например, нередко можно встретить колодцы глубиной до 100 м.

Богат и разнообразен Казахский край своим почвенно-растительным покровом и животным миром. Достаточно сказать, что здесь произрастает около 5000 видов высших растений. Среди них — более 2000 видов многолетних и около 850 видов однолетних трав, из которых более 500 видов идет на корм скоту, а около 150 являются пищевыми и жиромасличными растениями. Фауна Казахстана насчитывает более 450 видов птиц и 150 видов млекопитающих.¹

Огромную площадь (от р. Волги до Джунгарского Алатау) занимают сухолюбивые виды растений, произрастающие на каштановых, серо-бурых и сероземных почвах. Каштановые почвы, занимающие более одной трети всей поверхности края (37%), распространены в северной части Казахского мелкосопочника, Прикаспийской низменности и Тургайского плато, т.е. входят в основном в степную природную зону. Они пригодны для орошаемого земледелия, а также являются хорошими осенне-весенними пастбищами, на которых растут в основном различные ковыли и типчак.

Бурые и серо-бурые почвы свойственны полупустыням и северным окраинам пустынь Казахстана (32% всей поверхности), однако они, как правило, солонцеваты. На них растут полукустарники в основном двух групп: полынные и солянковые. На юге края много эфемеров и эфемероидов. Из солянковых полукустарников характерен сарсазан на мокрых солончаках и баялыч на территории Казахского мелкосопочника, а также буюргун и кокпек. Все они растут вместе с полынями. Часть из них — основа зимней пищи скота, который у казахов-кочевников находился круглый год на подножном корму.

Черноземы в самой северной части Казахстана (7.2% всей площади) являются лучшими пахотными землями в условиях неполивного земледелия и прекрасными летними пастбищами с пышной разнообразной растительностью. Летом сюда прико-

чевывали с юга (из полупустынь и пустынь) сотни тысяч казахских хозяйств со своими стадами. Большую ценность как летние пастбища представляют субальпийские и альпийские луга в горах Алтая, Саур-Тарбагатая, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня.

На территории Казахстана, особенно в южных его районах, имеются большие массивы песков: Прикаспийские и Приаральские Каракумы, Большие и Малые Барсуки, Кызылкумы, Сары-Ишикотрау в южном Прибалхашье и др. Значительная часть этих песков состоит из движущихся барханов и почти лишена какой-либо растительности. Иное представляют собой так называемые неподвижные пески, покрытые, правда редкой, но питательной для скота зеленью, особенно весной, осенью и зимой. Эти места в песках Кызылкумов, Больших и Малых Барсуков, Сары-Ишикотрау и ряде других считались наравне с горами и долинами рек и озер одними из самых удобных для зимних кочевий казахов-скотоводов.

На основании физико-географических условий специалисты-географы Казахстана выделяют в нем четыре основные ландшафтные и природные зоны: лесостепную, степную, полупустынную и пустынную. Для горных районов края характерна высотная зональность.²

Лесостепная зона расположена на самой северной части Казахстана и представляет собой в основном плоскую равнину (южные окраины Западно-Сибирской низменности). Климат этой зоны сухой и теплый. Среднегодовое количество осадков — от 250 до 300—400 мм, причем большая часть их выпадает летом (60%). Зима длинная (с конца октября до начала апреля), со средней температурой воздуха в январе минус 19°, и самой низкой до минус 40°. Однако даже на небольших возвышенностях снег почти полностью сдувает ветер, что позволяет содержать здесь скот круглый год на подножном корму. Весна короткая (1.5 месяца) с резкими колебаниями температуры. Лето длится около трех месяцев. Средняя температура в июле 18—19° тепла. В конце августа быстро наступает осень. Она, как и весна, отличается неустойчивой погодой.

Речная система в лесостепной зоне развита слабо, реки, в основном, мелкие, с весенним половодьем, пересыхающие летом. Зато здесь есть много пресных и слабосоленых грунтовых вод, которые легко достать, так как они залегают на глубине 3—10 м. Много озер, которые, однако, летом часто пересыха-

ют. Вода в них, как правило, на запад от р. Ишим — пресная, а на восток — соленая. Берега озер и рек покрыты тростником и окаймлены кустарником.

В лесостепи доминируют, особенно по берегам рек, вейниковые, мятликовые и пырейные луга, представляющие собой прекрасный летний корм для скота, а также сенокосные угодья.

Степная зона, как и лесостепная, имеет в основном равнинный характер. Она занимает около одной трети всей территории Казахского края (30%). Южная граница этой зоны начинается в районе города Уральска, огибает горы Мугоджары, пересекает северную часть Тургайского плато, затем проходит южнее озер Тенгиз и Кургальджин между 50 и 51° с.ш. Климат степной зоны более континентальный, чем в лесостепи. Количество осадков в год уменьшается до 200—300 мм, а влаги за лето испаряется в 3—7 раз больше. Возрастает температура воздуха — в июле в среднем она равна 18—22°. Вообще лето сухое и жаркое, дождей почти не бывает. Зима же в степи довольно суровая — самая низкая температура падает до 50° мороза. Снег держится 140—160 дней, но залегаёт неравномерно, достигая наибольшей толщины 30 см. Случаются оттепели, во время которых земля почти полностью оголяется от снега, а затем, с наступлением морозов, промерзает на глубину до 1.5—2 м. В этот сезон года бывают сильные ветры, переходящие в непродолжительные по времени, но весьма разрушительные по силе пыльные бури.

По казахской степи протекает одна из крупнейших рек Азии — Иртыш с притоками Тобол и Ишим. Другие реки, такие как Селеты, Шидерты и Тюндюк, как правило, впадают в бессточные озера, которых насчитывается здесь несколько сотен. Наиболее значительные озера — Тенгиз, Кургальджин, Каракол, Селетытениз и Кушмурун. В пределах Казахского мелкосопочника большинство озер имеет пресную воду, а также устойчивый режим, тогда как на северо-западе степей Казахстана небольшие озера летом пересыхают. Грунтовые воды залегают на глубине 10—20 м, причем на территории мелкосопочника они, как правило, пресные, а в других местах — солоноватые и соленые.

В северной части зоны расположены разнотравно-злаковые степи, а на юге — сухие типчаково-ковыльные. Здесь в весеннее время растут также разные эфемеры и эфемероиды

(мятлик луковичный, пустынная осока и т.д.). Степи края представляют собой хорошие весенние и летние пастбища, а также пригодны для неполивного земледелия.

Полупустынная зона Казахстана простирается довольно широкой полосой с запада на восток и включает в себя среднюю и южную части Казахского мелкосопочника, Тургайское плато и северную окраину Прикаспийской низменности. Южная граница ее довольно извилиста и пролегает между 47—48° с.ш. Почти вся поверхность полупустыни представляет собой слегка волнистую равнину с небольшим понижением к югу.

Для полупустыни характерен сухой и резкоконтинентальный климат. Осадков выпадает мало (не более 280 мм на севере и 150 мм на юге), в то время как испаряемость влаги превышает количество осадков на севере в 7 раз, а на юге — в 15—18 раз. Зима довольно холодная (в январе средняя температура на западе 12° холода, а на востоке до минус 20°). Снежный покров достигает толщины в 10—20 см, причем покрывает землю неравномерно. Здесь нередки, особенно в западных районах, оттепели с последующей гололедицей. Лето жаркое и сухое. На западе средняя температура воздуха в июле 23—25° тепла, а на востоке днем температурный столбик нередко поднимается до уровня 40—45° в тени. Весна и осень короткие. Но в эти сезоны выпадают дожди, и полупустыня на короткое время превращается в сплошной зеленый ковер.

Большая часть рек полупустыни Казахстана полноводны лишь в весеннее время, а летом почти пересыхают. Самые крупные из них — Сарысу, Аягуз, Тургай, Уил, Сагиз и др. В районе Тургайского плато довольно много озер. Самое крупное из них — Челкар-Тенгиз, однако вода его горько-соленая и непригодная для питья. Подземные воды залегают глубоко и тоже часто бывают солеными. Например, в местах между Уралом и Эмбой колодцы имеют глубину 100—120 м.

Основная растительность полупустыни — типчако-полынная и полынно-солянковая на засоленных почвах и солонцах. Массивы песков покрыты местами белой и песчаной полынью со степными злаками. Так как зимой снега выпадает мало, эти полынные и солянковые травостой охотно поедаются скотом (овцами, козами и верблюдами). Земледелием же здесь можно заниматься только при условии искусственного орошения.

На юге и юго-западе зона полупустынь переходит в пустыню, которая занимает почти половину всей территории Ка-

захстана (47%). Она представляет собой широкую ленту (шириной до 900 км), простирающуюся с запада на восток почти на 3000 км.

В пустынях Прикаспийской низменности, Приаралья и Южного Прибалхашья много места занимают пески. Глинистые же участки пустыни почти водонепроницаемые и после даже редких весенних дождей превращаются в своеобразные «озера» — такыры (глубиной в несколько сантиметров). В начале лета они высыхают. Такыры являются подчас единственными источниками воды для водопоя скота казахов, кочующих весной с юга на летние пастбища, расположенные на севере края, в степной и лесостепной зонах. Солончаковые пустыни — соры представляют собой мелководные соленые озера, которые летом пересыхают и становятся непроходимыми.

Осадков в пустыне выпадает самое большое от 100 до 200 мм в год. Сухость и высокая температура воздуха летом (до 40—45°) создают днем нестерпимый зной, сильные ветры иссушают почву, поднимают в воздух лессовую пыль, создавая характерную для этих мест мглу. Зима же довольно теплая, снега выпадает мало (до 5—10 см толщиной), причем он держится на севере самое большое около 120 дней. Зимой, особенно на юге, часты потепления до плюс 10—15°, при которых снег полностью сходит. Весна и осень, как и везде в Казахстане, короткие, причем небольшое количество осадков выпадает в весеннее время.

В пустынях Казахстана протекают (транзитом) крупные реки: Сырдарья, Или, Каратау, Лепса и др. Как правило, они берут начало в высокогорных районах и поэтому имеют пресную воду и полноводны в течение почти всего лета. Эти реки дают живительную влагу пустыне. Воду из них берут не только для питья, но и для орошения полей, садов и виноградников. Это отчасти является причиной того, что даже такие полноводные реки, как Чу, Сарысу, Талас и другие бесследно исчезают в песках. Грунтовые воды залегают глубоко и настолько солены, что непригодны для питья. Лишь у подножия гор Казахского мелкосопочника, а также у гор Каратау и Актау на Мангышлаке грунтовые воды выходят на поверхность в виде родников, часть из которых имеет хорошую пресную воду.

В пустынях расположены крупнейшие озера Казахстана: Каспийское, Арал и Балхаш, причем кроме Каспия, вода в этих озерах не очень соленая и даже пригодна для питья.

Нельзя не отметить происходящую в последние годы трагедию — катастрофическое усыхание Аральского озера, которое резко ухудшило экологическую обстановку вокруг него.

Около двух третей всей поверхности пустынь Казахского края представляют собой естественные угодья из эфемеровых, полынно-солянковых, злаково-полынных и полынных растений, из которых весной продуктивны эфемеровые, а зимой — полынно-солянковые. Эти растения, хотя и редко расположены, являются неплохим зимним кормом для казахского скота. Земледелие же возможно только при условии искусственного орошения и встречается, как правило, вдоль крупных рек. Одним из таких мест был в средневековье, например, район Туркестана (среднее течение р. Сырдарья), где около городов располагались земледельческие оазисы, берущие воду для орошения в основном из Сырдарьи, а все остальное пространство занимали зимние кочевья казахов-скотоводов.³

Для гор Казахстана характерна так называемая высотная зональность. Она начинается с предгорных пустынь (в Джунгарском Алатау и Тянь-Шане) с однообразной растительностью из полыни и солянок. Весной здесь изобилие эфемерных злаков, которые используются для корма скота в весенне-осенний и зимний периоды.

Пределы Алтая, Саур-Тарбагатая, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня на высоте от 600—800 до 1200—1400 м занимают полупустыни с полынно-ковыльно-солянковой и полынно-эфемерово-солянковой растительностью, расположенной, как правило, разреженно.

Поймы крупных рек (Чу, Таласа и др.) занимают «тугаи» (заросли) из тополя, ивы, лоха, облепихи, таволги и т.п. Это — прекрасные пойменные луга. Весь этот район горной полупустыни казахи-скотоводы использовали под весенне-осенние и зимние пастбища.

В Саур-Тарбагатае, Джунгарском Алатау и на Тянь-Шане есть высокие сырты с умеренным климатом и богатой степной растительностью — хорошим кормом для скота. Выше сыртов расположена лесо-лугово-степная зона, где на склонах гор растут хвойные и лиственные леса, на открытых местах переходящие в богатое разнотравье, а еще выше — в субальпийские и альпийские луга. Они служат прекрасными летними пастбищами.

В связи с этим в горных районах казахи-скотоводы со своими стадами по мере наступления летней жары поднимались высоко в горы, а к зиме спускались в долины.

Даже из этого краткого физико-географического обзора Казахстана видно, что в нем есть все условия для развития как земледелия, так и скотоводства. Однако первое из этих занятий, особенно в южных районах, возможно только при искусственном орошении. Скотоводство же требует при экстенсивной форме его ведения (т.е. использовании в течение круглого года подножного корма) дальних перекочевков, причем, как видно из вышеизложенного, зимние пастбища, как правило, расположены на юге, в основном в полупустынях и пустынях края, а летние — на севере, в лесостепях и степях.

В соответствии с этим в Казахстане с древнейших времен развивались и кочевое скотоводство, и орошаемое земледелие. Последнее — в районах Семиречья и среднего и нижнего течения Сырдарьи. На основании археологических данных бесспорно доказано, что уже в эпоху поздней бронзы население Центрального Казахстана занималось пастушеским скотоводством и земледелием.⁴ Очевидно увеличение поголовья скота и рост населения явились причиной хозяйственного освоения пустыющих земель полупустыни. Уже к концу эпохи бронзы часть племен оставляет речные долины Центрального Казахстана и осваивает оазисы пустыни и полупустыни, где единственным источником водоснабжения были колодцы.⁵ В это же время происходит процесс перехода от оседлого, пастушеского скотоводства сначала к яйлажному, или отгонному, с небольшими переходами с одного пастбища на другое, а затем — к кочевому. Одновременно с этим в южных районах продолжало развиваться поливное земледелие.⁶ Таким образом, по авторитетному мнению казахских археологов, переход к кочевому скотоводству в Центральном Казахстане произошел в X—IX вв. до н.э., а в Западном, Северном и Восточном Казахстане оно возникло несколько позднее — в IX—VIII вв. до н.э.⁷ В следующий период и так называемое скифско-сакское время (VII—III вв. до н.э.) кочевое скотоводство получило отчетливые и законченные формы в Центральном Казахстане. В это же время племена усуней в Семиречье (Южный Казахстан) имели скотоводческо-земледельческий тип хозяйства и вели полукочевой образ жизни.⁸ Важно отметить, что в данном случае ар-

хеологические материалы находят подтверждение в письменных источниках.⁹

Ко времени III в. до н.э. — IV в. н.э. (усуньский период) относятся археологические материалы, полученные в результате раскопок на северных склонах горы Каратау. Они свидетельствуют о том, что в этом районе, как и в других местах среднего течения Сырдарьи, местное население занималось скотоводством и поливным земледелием.¹⁰ Поливное земледелие в сочетании со скотоводством усуньских племен было сосредоточено главным образом в долинах рек Чу и Таласа.¹¹

Пожалуй нет необходимости доказывать, что в так называемое тюркское время (VI—XI вв. н.э.) на территории Казахстана продолжали развиваться как кочевое скотоводство, так и орошаемое земледелие. С этого же времени здесь «начинают складываться феодальные отношения».¹² Свидетельством тому являются многочисленные археологические материалы, а также данные письменных источников, которые послужили основой большого количества исследований по истории населения Казахстана тюркского периода.¹³ Кочевое скотоводство продолжало развиваться в крае как в монгольский период (XII—XV вв.), так и в последующие столетия. Однако надо отметить, что начиная с этого периода развитие земледельческих оазисов в Казахстане было значительно ослаблено в результате монгольского нашествия и последующих феодальных междоусобиц.¹⁴ Еще более разрушительным было джунгарское нашествие (конец XVII—первая половина XVIII в.), в результате которого почти все районы Казахстана скотоводческо-земледельческого направления были разграблены.¹⁵ В итоге, в период позднего средневековья и вплоть до присоединения Казахстана к России в его бескрайних степях господствовало в основном кочевое скотоводство, хотя, конечно, определенная часть казахов, главным образом по среднему течению р. Сырдарьи и в Семиречье, а также по долине Иртыша и у оз. Зайсан вела полукочевой образ жизни и занималась земледелием, «однако земледелие и здесь сочеталось в большей или меньшей степени со скотоводством и сопутствовало ему».¹⁶

Процесс присоединения Казахстана к России был довольно длительным и продолжался с первой трети XVIII в. (присоединение казахов Младшего жуза, а затем Среднего) вплоть до конца первой половины XIX в. (присоединение казахов Старшего Жуза). В результате этого присоединения и

колонизации многих районов Казахского края казачеством, а позднее и крестьянами-земледельцами, переселившимися из западных областей России, возникли новые факторы: социально-экономические и политические, под влиянием которых в значительной степени стал изменяться весь хозяйственный уклад жизни казахов. Последний же, как известно, был самым тесным образом связан с характером общинных отношений.¹⁷ Это побуждает нас, хотя бы в общих чертах, осветить основные типы хозяйства у казахов изучаемого периода, т.е. периода присоединения Казахстана к России, и дать характеристику их главных признаков.

Согласно имеющемуся в нашем распоряжении литературному, архивному и полевому материалу у казахов второй половины XIX—начала XX в. существовало три основных типа хозяйства: кочевое, полукочевое и оседлое.¹⁸ По своему характеру казахское скотоводство было экстенсивным, так как все виды скота у казахов основной корм получали в виде подножного, т.е. во время пастбы на пастбищах. Это в свою очередь, требовало огромных пастбищных пространств, которые и имелись в Казахстане. Особенности природных условий Казахстана, а именно: сочетание зон широких степей, обширных полупустынь и пустынь, определили наиболее характерную для казахов форму кочевания — меридиональную. Суть ее состоит в том, что, как правило, они кочевали летом со своими стадами на север, в бескрайние степные просторы края, а зимой опускались на юг, в песчаные полупустыни и пустыни, на которых в зимнее время сохранялась трава и было мало снега. Об этом еще в конце прошлого века писал А.И. Добросмыслов: «Ранней весной, как только начнет оживать природа, они (казахи — В.К.) поднимаются со своими стадами и домашним скарбом, идут к северу. В разгар лета они приходят на летовку, где проводят месяц—полтора, а затем идут обратно, вслед за осенью. После того как пройдут дожди, выжженные солнцем пустыни юга оживают и скот находит себе на них пропитание».¹⁹

Кочевое скотоводство у казахов было связано с пастбищной системой, т.е. круглогодичным содержанием основной массы скота на подножном корму. Этот признак кочевого скотоводческого хозяйства является, по нашему мнению, основным. Он оказывал существенное влияние на все стороны жизни скотоводов-кочевников. Во-первых, круглогодичное содер-

жание скота на пастбищах в условиях Казахстана строго определяло состав стада и виды домашних животных. Ими могли быть только те, которые способны тебеневать, т.е. доставать зимой на пастбище корм из-под снега. Это, в первую очередь, лошади, а затем овцы и козы. Они и составляли основную массу стада у кочевников. В качестве транспортных животных казахи-кочевники содержали верблюдов. Так, почти все казахи большого родоплеменного объединения Адай, жившие на п-ове Мангышлак, были кочевниками. Их стада состояли только из овец, лошадей и верблюдов.²⁰ Даже в настоящее время в казахских хозяйствах этого района стадо состоит только из овец, лошадей и верблюдов, так как животноводство здесь основано на отгонно-пастбищной системе с круглогодичным содержанием скота на подножном корму. Во-вторых, при круглогодичном содержании скота на подножном корму кочевание носило характер производственного процесса, при котором сезоны года выступали как определенные стадии, отличающиеся друг от друга количеством перекочевок в течение сезона, длиной перекочевки за один день, а также различием основных хозяйственных задач, стоящих перед кочевниками-скотоводами в каждый период.

В южной части Казалинского уезда, например, наибольшее количество перекочевок (27) кочевыми хозяйствами совершалось весной. Однако в этот период одна дневная перекочевка не превышала по длине больше 8 км, так как скот был еще очень слаб после зимней голодовки, а также потому, что в это время происходит у овец окот.²¹ В остальные сезоны года дневной кочевой путь увеличивался в два-три раза. Количество перекочевок летом падало до минимума: скот пасся на обильных кормах пастбищах. Адаевцы, например, летом совершали 2—3 перекочевки на недалекое расстояние.²² Осенью количество перекочевок снова возрастало. Так, кочевая группа Лавакбалдары рода Сабытай у адаевцев в течение осени совершала 30 перекочевок.²³ Причем осенние перекочевки считались на Мангышлаке самыми трудными, потому что, во-первых, из-за отсутствия воды нужно было останавливаться на ночь только у колодцев; во-вторых, в это время года на Устюрте и Мангышлаке свирепствовали пыльные бури, во время которых скот часто погибал. Зимой же число перекочевок снова падало до 3—4 в месяц, так как, например, в южной части Казалинского уезда скот казахов-кочевников пасся в саксаульных лесах. Саксаул

служил ему кормом и одновременно защищал от холодных ветров.²⁴

Из пяти тысяч хозяйств кочевников, принадлежащих к роду Баганалы родоплеменного объединения Найман, около полутора тысяч хозяйств зимой занимали сначала пастбища по нижнему течению Сарысу — в области озер Ащиколь, затем одна часть перекочевывала в придарьинские тугаи между Перовском и Джулеком, занимая их по обе стороны реки и даже выкочевывая в пески Кызылкумов, а другая часть зимовала в причуйской пустыне и близ западных оконечностей горы Каратау. Остальные хозяйства баганалинцев кочевали зимой по северо-восточным склонам горы Улутау.²⁵

Значительно отличались сезонные кочевания по своим хозяйственным задачам. Весенний период был в этом отношении самым напряженным и ответственным. Во-первых, нужно было так организовать пастьбу, чтобы исхудавший за зиму скот быстро окреп и нагулялся, во-вторых, в это время производилась весенняя стрижка овец, и, в-третьих, весной происходила окотная кампания.

Организация успешного нагула скота была основной задачей летнего периода. Кроме того в начале лета, как правило, производился отбор самцов-производителей и кастрация скота. Летом же в хозяйствах заготавливали молочные продукты на зиму.

На осень падала случная кампания и осенняя стрижка овец. Последняя одновременно сопровождалась производством войлочных кошм для юрт и других изделий из шерсти.

Все внимание кочевых казахов зимой было направлено на сохранение поголовья скота. У них существовали свои, выработанные веками приемы и методы зимней пастьбы. С.Е. Толыбеков сообщает, что «пастьба овец (зимой — В.К.) очень сложна, она имеет сорок тонкостей и приемов».²⁶

Различные условия выпаса скота в разные сезоны года, особенно летом и зимой, требовали четыре вида различных пастбищ: зимних, весенних, летних и осенних.²⁷ Хорошими летними пастбищами считались такие, где было много сочных трав и имелась вода для водопоя скота. Как правило, летние пастбища были расположены в просторных степных районах Казахстана. Совсем иные требования предъявлялись к зимним пастбищам, так как главным становилась возможность добывания скотом корма из-под снега. Особенно ценились, как уже

отмечалось выше, зимние пастбища, расположенные на южных склонах невысоких гор и холмов, мало покрытые снегом песчаные полупустыни и пустыни юга Казахстана с хорошей травой, выросшей после осенних дождей, а также прибрежные заросли камыша рек и озер.

Круглогодичный выпас скота на пастбищах вызывал необходимость совершать перекочевки в течение всего года. Это же, в свою очередь, приводило к тому, что при кочевом скотоводстве население не имело возможности жить в постоянных жилищах. У казахов-кочевников изучаемого периода их заменяла переносная войлочная юрта. Прототип такой юрты был уже у далеких предков казахов — кочевых племен сакского времени (в VII—III вв. до н.э.). Однако в это время наряду с ней на зимних стоянках кочевников сохранялись еще постройки из саманного кирпича. В последующие же века, т.е. в усуньское время, юрта стала основным типом жилища кочевников-скотоводов.²⁸

Для экстенсивного кочевоего скотоводства были характерны также перекочевки на большие расстояния, которые достигали иногда тысячи и более километров. В одном из архивных документов написано, что «киргизцы, кочующие летом около вершин рек Тургая, Терсакана и реки Сарысу, избегая зимнего холода, в сие время года переходят в пески к реке Сыр-Дарье»,²⁹ т.е. они проходят весной и осенью кочевой путь более 500 км. Хозяйства казахов-кочевников Караузякской волости Кызыл-Ордынского уезда Сырдарьинской губернии еще в 20-х годах нашего столетия совершали летом перекочевки на летние пастбища в Кустанайском округе, проходя со стадами в один конец от 800 до 1000 км.³⁰

Во второй половине XIX—начале XX в. кочевые хозяйства казахов занимали на западе и на юго-востоке п-ова Мангышлак и Бузачи, бассейн р. Эмбы и Мугоджарские горы, плато Устюрт, пески Большие и Малые Барсуки, степи Тургайского плато, среднее и нижнее течение Сырдарьи, пески Приаральские Каракумы, пески Кызылкумы, пустыню Бетпак-Дала, пески Муункумы и Сары-Ишикотрау в Южном Прибалхашье.³¹ По свидетельству С.Е. Толыбекова, кочевой образ жизни вело 0.8—1 млн. казахов, или же около одной четверти всего населения края.³² Занимали же они, как это видно из вышесказанного, огромное пространство. Однако это были преимущественно пустыни, полупустыни и полынные степи.

Наиболее распространенным в изучаемый период типом хозяйства было полукочевое скотоводство, для которого характерна пастбищно-стойловая система содержания скота. Ее сущность заключается в том, что в течение весны, лета, осени и частично зимы скот содержался на подножном корму, т.е. как при кочевом скотоводстве, и только в наиболее неблагоприятное зимнее время (сильные морозы, ветры, снега и гололед) домашних животных оставляли в стойлах и кормили сеном. Иначе говоря, если казахи-полукочевники в течение трех сезонов года (весной, летом и осенью) кочевали, то зимой они, как правило, оставались на одном месте — зимней стоянке, расположенной на зимнем пастбище. В Кокчетавском уезде, например, «овцы в течение шести зимних месяцев не более месяца не выгоняются в разное время на пастбища да некоторые месяцы и вообще при суровой погоде подкармливаются вечером двумя-тремя охапками сена на сотню голов... Наконец, рогатый скот выгоняется при хорошей погоде и хороших подножных кормах от одного до двух месяцев за зиму в те дни, когда позволяет погода и состояние кормов; остальное же время, оставаясь в загонах, они довольствуются большей частью объедками от другого скота и реже настоящим сеном».³³

Сенокосение, таким образом, было одним из существенных признаков полукочевого скотоводческого хозяйства у казахов. Так, в одной из публикаций Переселенческого управления по этому поводу говорится: «Сенокосение начинается с момента прекращения зимних кочевых, с момента образования постоянных зимовок».³⁴ Для казахов-скотоводов конца XIX—начала XX в. сенокосение было новым явлением, которое, однако, быстро распространялось под влиянием русских переселенцев.

Другим важным признаком полукочевого скотоводства являлось занятие в той или иной степени земледелием. Иначе говоря, хозяйство казахов-полукочевников носило комплексный характер, как это отмечает в одной из своих работ Т.А. Жданко.³⁵ Комплексный характер полукочевого хозяйства качественно отличает его от кочевого. Это, по нашему мнению, показывает, в первую очередь, необоснованность предложения Г.Е. Маркова объединить в общих рамках одного хозяйственного типа кочевые и полукочевые хозяйства.³⁶

Как свидетельствуют археологические, исторические и этнографические материалы, земледелие было известно казахам

давно.³⁷ Но земледелие, как и сенокосение, стало развиваться у казахов особенно интенсивно под влиянием русских. А.А. Кауфман еще до революции писал: «В уездах Перовском и Казалинском, где 20 лет тому назад... числилось всего 8000 десятин киргизских посевов теперь (т.е. в начале XX в. — В.К.) таковых числится более 100 тысяч десятин. Толчок в этом направлении дал небывалый “ждут” 1892 г., а также влияние русских поселений».³⁸ О влиянии крестьян-земледельцев, переселившихся в Казахстан из центральных областей России, на развитие у казахов сенокосения и земледелия указывает большое количество архивных документов второй половины XIX—начала XX в. Для краткости приведем лишь один характерный пример. 70 казахских хозяйств Котуркульской волости Кокчетавского уезда просили в 1883 г. перевести их на оседлость и дать им «крестьянское звание с наделением земли для хлебопашества и сенокосными участками».³⁹ Другой причиной интенсивного распространения среди казахов земледелия в изучаемый период было относительное затухание, после присоединения Казахстана к России, межродовой вражды, которая зачастую вынуждала казахские аулы часто менять места кочевых. «Нормальные условия для киргизской оседлости и для занятия земледелием, — говорится о казахах Казалинского уезда, — создались лишь с завоеванием края русскими, когда только туземное население и могло начать более спокойную жизнь».⁴⁰

С сенокосением и земледелием полукочевых казахов самым тесным образом связаны изменения в составе стада по сравнению с кочевыми хозяйствами. Они заключались в том, что в стаде полукочевника довольно значительное место занял крупный рогатый скот.⁴¹

В отличие от кочевого хозяйства, где скот имеет главным образом значение источника существования и средства передвижения, у полукочевых казахов скот, особенно крупный рогатый, приобрел новое качество основной рабочей, тягловой силы. Это привело даже к тому, что в некоторых районах Казахстана, где земледелие было более или менее развито, появился новый тип баев, которые сдавали скот, особенно быков, в аренду беднякам, не имевшим своего рабочего скота для пахоты.⁴²

Повышение доли крупного рогатого скота в общем поголовье связано с сокращением длины летних перекочевых полукочевых хозяйств. Так, казахи Уральского уезда, у которых

крупный рогатый скот занял главное место в составе стада, только в исключительных случаях выходили за пределы своих волостей. Дальше 60—70 верст не кочевали даже самые богатые из них, обыкновенно же кочевание ограничивалось 15—20 верстами.⁴³ Сокращение радиуса кочевания было связано у полукочевников не только с появлением в их стаде крупного рогатого скота, который мало приспособлен для длительных и длинных перекочевок, но и с тем, что они занимались земледелием, а посевы были расположены, как правило, в районе зимних стоянок. Там же находились обычно и сенокосы.⁴⁴

Для полукочевого скотоводческого хозяйства казахов второй половины XIX—начала XX в. было характерно наличие как переносного жилища — юрты, которой пользовались во время перекочевок весной, летом и осенью, так и постоянного жилища на зимней стоянке. «С изменением формы хозяйственной жизни, — говорилось в одной из работ о казахах Казалинского уезда, — изменился внешне и хозяйственный аул, вместо юрт появились постоянные жилые постройки, приспособленные для жилья в зимнее время (зимовки)».⁴⁵ Кроме жилых помещений казахские усадьбы имели в большинстве случаев загоны для скота. В Павлодарском уезде, например, каждая казахская зимовка имела всегда несколько отдельных хлевов, которые находились под одной крышей и были предназначены для разных видов животных, а иногда, большей частью у баев, и для скота различного возраста.⁴⁶

Постоянные жилые постройки появились у казахов недавно. В Каркаралинском уезде их стали делать в середине прошлого столетия,⁴⁷ в Лепсинском — в первой половине XIX в.⁴⁸ и т.д. «Процесс перехода к полусоседности, — пишет этнограф-казаховед В.В. Востров, — к постоянным зимним жилищам шел с запада на восток под непосредственным влиянием русского населения».⁴⁹

Для полной характеристики полукочевого скотоводства у казахов изучаемого периода необходимо сказать, что один из основных видов домашних животных — лошади содержались в большинстве случаев круглый год на подножном корму. Это было вызвано главным образом тем, что полукочевое хозяйство в зимний период постоянно пребывало на одном месте — в зимовке, и, следовательно, площадь доступных и неиспользуемых вокруг нее пастбищ довольно ограничена. Лошадям же нужны, особенно зимой, большие пространства для пастбы. В

связи с этим, особенно при наличии большого поголовья скота, лошадей, как правило, казахи-полукочевники отправляли в отгон под надзором своих или наемных пастухов. «Самое трудное время для содержания скота — зима. В это время часть скота, особенно лошадей, приходится отпускать в отгонные табуны (“косы”)».⁵⁰ В некоторых районах Казахстана в зимний отгон отсылались не только лошади, но и другой скот. Например, в Лепсинском уезде овец и коз отгоняли на зиму в приозерные долины Балхаша и Сасыккуля, а также в ущелье гор Алатау (горы Тахты).⁵¹ Значительные табуны лошадей и стада овец отправляли в отгон на зиму приалтайские казахи, причем они делали это из-за того, что зимних пастбищ близ их стоянок не хватало.⁵²

Здесь наблюдаются элементы другого типа скотоводческого хозяйства — отгонного, при котором со скотом уходят на дальние пастбища только пастухи.

Большая социально-экономическая дифференциация, характерная для всего казахского общества второй половины XIX—начала XX в., оказала существенное влияние на формирование скотоводческого хозяйства.

Среди казахов, ведущих кочевой образ жизни, это приводило к тому, что хозяйства, имеющие мало скота, а также не имеющие его совсем, были вынуждены в лучшем случае кочевать в одном ауле со своими богатыми родственниками, которые их снабжали под видом родовой помощи скотом и за это требовали ряд определенных услуг. В худшем же случае беднякам приходилось или наниматься пастухами и другими работниками в байские хозяйства,⁵³ или же прекращать кочевание и заниматься земледелием.

В полукочевом скотоводстве социально-экономическое расслоение приводило к довольно четкому разделению этого типа хозяйства на два вида. К первому из них относились байские хозяйства, имеющие много скота. Они совершали летом перекочевки на дальние и более просторные летние пастбища, так как для их обширных стад пастбищ вблизи зимовок не хватало. Другой вид составляли хозяйства со средним и малым количеством скота, которые использовали для летнего выпаса ближайšie к их зимовкам пастбища.⁵⁴ Таким образом получалось, что полукочевые хозяйства баев использовали для своих многочисленных стад все четыре вида пастбищ: зимние, весен-

ние, летние и осенние, тогда как остальные хозяйства летними пастбищами уже не пользовались.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам полукочевое скотоводство было наиболее широко распространенным типом хозяйства в Казахстане в изучаемый период и в большей или меньшей степени бытовало почти во всем крае, исключая, пожалуй, п-ова Мангышлак и Бузачи, где основная масса населения вела кочевой образ жизни и лишь незначительная часть, не имевшая скота или имевшая его очень мало, была оседлая и занималась земледелием.

Отличительной чертой казахских хозяйств оседлого типа второй половины XIX—начала XX в. было, во-первых, отсутствие перекочевок даже летом, а, во-вторых, второстепенное значение скотоводства, причем имевшийся скот употреблялся главным образом как тягловая сила при сельскохозяйственных работах.

В изучаемый период оседлых хозяйств, особенно в северных, степных областях Казахстана, было сравнительно немного. Их доля к общему числу казахских хозяйств колебалась в пределах 1.5—10%. Однако процесс оседания у казахов в этот период происходил довольно интенсивно. Так, в Павлодарском уезде в 1897 г. было всего 3.2% оседлых хозяйств, а через 13 лет, т.е. в 1910 г. их стало в два раза больше (6.5%).⁵⁵

Оседание бывших кочевников и полукочевников Казахстана во второй половине XIX—начале XX в. самым тесным образом было связано с их обеднением. На оседлость переходили те хозяйства, которые имели мало скота или которые по тем или иным причинам потеряли его (джут, эпизоотия, барымта и т.д.). На Мангышлаке, например, оседали только те хозяйства, которые не могли самостоятельно кочевать из-за нехватки скота. Они были вынуждены заниматься земледелием⁵⁶ или наниматься рыбаками к русским и туркменским рыбопромышленникам, или же батраками (т.е. пастухами) в богатые байские хозяйства.⁵⁷ Последнее можно сказать и о всех других районах Казахстана. Например, в Петропавловском уезде около двух третей всех оседлых казахов (77%) были батраками.⁵⁸

Иная картина наблюдалась в Семиречье и Туркестане. Здесь, как отмечали еще дореволюционные исследователи Казахстана, имелись все условия для занятия поливным земледелием. Ввиду этого оседлых хозяйств было довольно много. В Лепсинском и Копальском уездах оседлые сельскохозяйственные хо-

зяйства составляли одну треть, в Верненском их было 20.7%.⁵⁹ Еще выше была доля оседлых сельскохозяйственных хозяйств в Сырдарьинской области.

Итак, в Казахстане в изучаемый период бытовало три основных типа хозяйств. Однако в силу ряда факторов, и в первую очередь природных, социально-экономических и исторических условий, наиболее распространенным было полукочевое скотоводство, которое имело комплексный характер.

И еще. Природно-климатические условия Казахстана позволяли казахским кочевникам, как впрочем и всемномадам великого пояса степей Евразии, содержать все виды скота, приспособленные к кочевому образу жизни. Это обстоятельство, как отмечает А. Хазанов, выгодно отличает евразийский номадизм от кочевничества в странах Ближнего Востока, в котором преобладал, как правило, один вид животных, например верблюды.⁶⁰ Наличие разных видов животных позволяло лучше и полнее использовать степные пастбища, а животным с разной биологической характеристикой адекватно реагировать на стихийные бедствия, эпизоотии и другие неизбежные последствия кочевого образа жизни. Таким образом, наличие разных видов скота в каждом хозяйстве повышало его стабильность.

¹ Чупахин В.М. Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968. С.68, 70.

² В специальной литературе эти зоны разделяются еще на подзоны. См: Чупахин В.М. Природное районирование Казахстана. Алма-Ата, 1970.

³ Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII веках // Казахстан в XV—XVIII веках: Вопросы социально-политической истории. Алма-Ата, 1964. С.19—20, 28, 43.

⁴ Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С.198.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.261.

⁷ Там же. С.263—264; Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960. С.137.

⁸ Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.78.

⁹ Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С.5—23.

¹⁰ Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962. С.7.

¹¹ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т.1. С.41.

¹² Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С.88—97.

¹³ Там же. С.55.

14 Пищулина К.А. Указ. соч. С.7; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Л.Е. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.42; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

15 Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. ... С.107—109.

16 История Казахской ССР... С.154.

17 Бартольд В.В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов // Соч. Т. V. М., 1968; Дахилейгер Г.Ф. Оседание и традиционные институты бывших кочевников (на примере казахского народа). М., 1973. С.3.

18 Курылев В.П. 1) Опыт скотоводческого хозяйства у казахов (вторая половина XIX—начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 166—172; 2) Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Материалы к ист.-этногр. атласу. Алма-Ата, 1980. С.81—93.

19 Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области... С.14.

20 Курылев В.П. Кочевая группа западных казахов-адаевцев // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974. Ч.1. С.82—83.

21 Радышева И. Киргизское равнинно-кочевое хозяйство // Типы хозяйств Туркестана. Ташкент, 1924. С.14.

22 Курылев В.П. Кочевая группа... С.87.

23 Там же. С.89.

24 Радышева И. Указ. соч. С.14.

25 Центральный государственный архив Республики Казахстан (в дальнейшем ЦГА РК), ф.64, оп.1, д.4468, л.35.

26 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.536.

27 Необходимо отметить, что деление пастбищ на сезоны существовало у казахов-кочевников уже в XV—XVII вв. См.: История Казахской ССР... С.152.

28 Там же. С.38, 45.

29 Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (в дальнейшем — Отдел рукописей РНБ), ф.1000. Собр. един. пост. 1950, оп.20, д.3, л.17.

30 ЦГА Республики Казахстан (в дальнейшем — ЦГА РК), ф.696, оп.1а, д.61, л.1—2.

31 Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923. С.180; Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927. Сб.2. С.86; Курылев В.П. Кочевая группа... С.82; МКЗ. Т.2: Акмолинская обл., Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. С. VI, XXV—XXVI; Т.6: Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Атбасарский уезд. Повт. обл. 1909 г. СПб., 1910. С.30; Чермак Л.К. Киргизское хозяйство в степном крае... С.218—219; Радышева И. Указ. соч. С.14; Толыбеков С.Е. Указ. соч. С.496; МКЗ. Т.5: Тургайская обл., Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. С.3; Добросмыслов А.И. Указ. соч. С.337—340; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Т.2: Копальский уезд. СПб., 1912. С.195.

32 Толыбеков С.Е. Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX—начале XX в. // Тр. Ин-та экономики АН КазССР. Алма-Ата, 1957. Т. II. С.4.

33 МКЗ. Т.1: Акмолинская обл., Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. С.91.

34 МКЗ. Т.12: Акмолинская обл., Петропавловский уезд. Чернигов, 1908. С.202.

35 Жданко Т.А. Проблемы полуседлого населения Средней Азии и Казахстана // Сов. этнография. 1961. № 2. С.57.

36 Марков Г.Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // Сов. этнография. 1973. № 1. С.102.

37 Древняя культура Центрального Казахстана... С.198, 259—261; Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней... С.78; Археологические исследования на северных склонах Каратау... С.7; Валиханов Ч.Ч. О хлебопашестве // Собр. соч. Т.1. Алма-Ата, 1984. С.185.

38 Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. С.135.

39 ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4057, л.37.

40 МКЗ. Сыр-Дарьинская обл., Казалинский уезд. Ташкент, 1913. С.39.

41 Кранихфельд В.П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской обл. на 1898 г. Саратов, 1898. С.105.

42 Полевые материалы автора (в дальнейшем — ПМА) 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.22, 38.

43 Кранихфельд В.П. Указ. соч. С.100.

44 ЦГА РК, ф.25, оп.1, д.2755, л.3; Аргынбаев Х. Некоторые особенности хозяйства казахов Копальского уезда Семиреченской области (в конце XIX—начале XX в.) // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С.156.

45 МКЗ. Сыр-Дарьинская обл., Казалинский уезд. Ташкент, 1913. С.16.

46 Материалы по обследованию хозяйств и землепользованию киргиз Семипалатинской обл. Т.1: Павлодарский уезд. Повт. обл. СПб., 1913. С.74.

47 МКЗ. Т.6: Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд. СПб., 1905. С.54.

48 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Лепсинский уезд. СПб., 1914. Т.1. С.338.

49 Востров В.В. 1) Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнографический очерк) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т.3: Этнография. Алма-Ата, 1956. С.27; 2) К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961. С.180—197.

50 Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Омский уезд. Повт. обл. 1908 г. СПб., 1910. Т.2. С.61.

51 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Т.1, вып.1: Лепсинский уезд, Киргизское хозяйство. СПб., 1911. С.339.

52 Руденко С.П. Очерк быта северо-восточных казахов // Казаки. Антропологические очерки. Исследования 1927 г. Л., 1930. С.20—21.

53 Курылев В.П. Кочевая группа... С.83—84.

54 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.918, л.13.

55 Материалы по обследованию Семипалатинской обл., Павлодарский уезд. Повт. обл. 1910 г. СПб., 1913. Т.1. С.9.

56 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.965, л.33—34.

57 Там же, д.964, л.58—59, 70—72.

58 МКЗ. Т.22: Акмолинская обл., Петропавловский уезд. Чернигов. 1908. С.4.

59 Материалы по обследованию... Т.1: Лепсинский уезд. СПб., 1911. С.294; Т.2: Копальский уезд. СПб. 1913. С.144; Т.4: Верненский уезд. С.91.

60 Khazanov A. Ecological Limitations of Nomadism in Eurasian Steppes and their Social and Cultural Implications // Asian and African Studies. 1990. № 24. P.2—4.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У КАЗАХОВ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

(XVIII — первая половина XIX в.)

Прежде чем перейти к изложению содержания данной главы, необходимо объяснить кажущийся, на первый взгляд, неожиданным выход за основные хронологические рамки исследования: вторая половина XIX—начало XX в. Связано это со следующими обстоятельствами. Земельные отношения кочевых и полукочевых казахов изучаемого периода будут нами проанализированы в соответствующих главах наряду с другими аспектами общинных отношений, связанных с хозяйственной деятельностью населения и его основными типами хозяйства: кочевым, полукочевым и оседлым. Однако предлагаемый анализ этих отношений невозможен без исследования хотя бы в самых общих чертах аграрной структуры, существовавшей в Казахстане накануне и в период присоединения его к России, т.е. той структуры, которая явилась исходным моментом, исторически сложившейся основой, на которой развивались земельные отношения в казахском обществе в изучаемое нами время. Это необходимо сделать еще и потому, что в литературе до настоящего времени имеются две противоположные точки зрения на отношение к земле кочевников-скотоводов вообще, и казахов в частности, в период феодализма.

Большинство исследователей считают, что у кочевых скотоводческих племен и народов, в том числе и у казахов, земля была, как и в оседло-земледельческих обществах, основным средством производства. Из этого закономерно вытекает положение о том, что в любом кочевом скотоводческом обществе с патриархально-феодальными отношениями, не исключая и казахов, существовала крупная феодальная земельная собственность.¹

Другая группа исследователей придерживается мнения, что при господстве кочевого скотоводства основным средством производства был скот, а не земля, и следовательно, для ко-

чевников-скотоводов даже в период феодализма характерно отсутствие крупного феодального землевладения, а основой эксплуатации трудящихся была частная собственность на скот.²

И, наконец, есть исследователи, считающие, что для кочевников феодализм не был характерен вообще, и, следовательно, в кочевых обществах отсутствует феодальная собственность на средства производства.³

Из сказанного видно, что, несмотря на огромное научно-теоретическое и практическое (например, для ряда современных кочевников Африки и Зарубежной Азии) значение проблем патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов и наличие большого числа серьезных фундаментальных работ, этот вопрос до настоящего времени остается дискуссионным. В значительной степени это объясняется скудостью и односторонностью источниковедческой базы, большим своеобразием соотношения землепользования и землевладения у кочевников-скотоводов, в результате чего трудно вычленили границы феодального и общинного землевладения. Отсюда возникает сложная, но весьма заманчивая задача попытаться произвести анализ всего многообразия форм земельных отношений и связанной с ними феодальной иерархии, которые бытовали у казахских кочевников-скотоводов как накануне, так и во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.), т.е. в период, когда последняя еще не успела оказать влияние на развитие кочевого общества казахов.

Не ставя перед собою цели окончательного разрешения этой сложной проблемы, хотелось бы, опираясь на уже сделанные наукой за последние десятилетия достижения, более тщательно сопоставить их друг с другом. Эти попытки, по нашему мнению, смогут привести к определенным результатам при выполнении следующих условий: во-первых, привлечения доступных нам письменных источников по истории казахов XV—XVIII вв., во-вторых, дополнительного архивного материала, и, наконец, в-третьих, материалов собственных полевых исследований. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы такого рода относятся только к казахам. В связи с этим сразу же оговоримся, что соответствующие соображения и выводы будут также касаться только казахского кочевничества. Кочевое общество казахов, по крайней мере в послемонгольское время, имело свои особенности (о них будет сказано ниже), отличающие его от некоторых других кочевых скотоводческих народов фео-

дального периода. Это оправдано еще и тем, что одно из основных условий изучения патриархально-феодальных отношений у кочевников вообще заключается в необходимости исследования отдельных кочевых обществ в их конкретно-исторической обстановке.⁴

После всех этих несколько затянувшихся, но необходимых предварительных замечаний, перейдем к теме непосредственного исследования.

Почти все исследователи общественного строя казахов (не только сторонники существования у них крупного феодального землевладения, но и их противники) бесспорно признают, что в казахских ханствах накануне и в период присоединения Казахстана к России имелась определенная социальная группа, которая обладала правом распоряжения кочевками и пастбищами подвластных им казахских родов. Л.П. Потапов, открывший дискуссию о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана на упоминаемой выше объединенной научной сессии в Ташкенте, сформулировал этот тезис так: «...Монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли».⁵ Против «распоряжения кочевьями, пастбищами» никто, по существу, не возражает. «Кочевание регулировалось представителями власти, — отмечает В.Ф. Шахматов, — ханами, султанами. Руководители родов, а иногда ханы и султаны давали указания, когда начинать кочевку, какие пути выбирать. Они же решали вопрос о спорных пастбищах и т.д. Это распределение кочевых путей и пастбищ между родами было неизбежным и необходимым условием пастбищно-кочевой системы; в противном случае вся система кочевания была бы нарушена, начался бы хаос в землепользовании, что привело бы к хищническому истреблению пастбищ и гибели скота».⁶

Своеобразным «водоразделом» служит вторая часть этого тезиса, которая заключается в том, что при условиях господства кочевых скотоводческих хозяйств право распоряжения пастбищами и кочевками было фактическим отражением крупной феодальной земельной собственности. «Содержанием права феодальной собственности являлись те правомочия, которые принадлежали только феодалам по владению, пользованию и распоряжению пастбищами и скотом. Совокупность всех этих правомочий составляла право феодальной собствен-

ности. Среди этих правомочий право распоряжения служило основным и решающим элементом права феодальной собственности».⁷ К сожалению, ни в данной статье, ни в своей монографии, специально посвященной феодальным земельным отношениям у казахов,⁸ А. Еренов ничем не обосновал этот важный тезис. Это дало возможность В.Ф. Шахматову возразить ему, что байство узурпирует лишь функцию общины в области *регулирования* (подчеркнуто нами — В.К.) землепользования, хотя земля по-прежнему оставалась общинной собственностью.⁹ Мы сознательно подчеркнули слово «регулирования», так как в условиях кочевых скотоводств без этого действительно невозможно успешно вести хозяйство.¹⁰ Однако под правом распоряжения пастбищами и кочевками подразумевалось не только регулирование ими в соответствии с хозяйственными нуждами, этим правом кочевые феодалы пользовались в своих политических и экономических интересах, что и превращало его в «основной и решающий элемент феодальной собственности». Относительно этого положения имеется весьма четкое определение К. Маркса: «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли».¹¹ Собственно говоря, знаменитая в истории казахов откочевка в Моголистан в середине XV в. двух казахских султанов Гирея и Джанибека с подвластными им родами — носила именно такой характер.¹²

«В то время в Дашт-и-Кипчике владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан. Исанбуга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могулистана».¹³ В следующем факте воля кочевых феодалов, его политическая заинтересованность при выборе кочевий и пастбищ для своих подчиненных выражена еще более ярко. «В то время, хотя Касим-хан (сын Джанибек-хана — В.К.) еще и не принимал титул хана, власть его уже была настолько велика, что никто и не думал о Бурундук-хане (сыне Кирай-хана — В.К.). Но он (Касим-хан) не хотел находиться поблизости от Бурундук-хана, потому что, если быть вблизи и не соблюдать должного уважения, означало бы возражать хану, а повиноваться же ему душа не лежала, потому (он) и старался держаться подальше (от хана). Бурундук-хан находился в Са-

райчуге; Касим-хан же (откочевывал) и, отдаляясь от него, пошел к границам Могулистана и избрал своим зимовьем Кара-Тал». ¹⁴

Много примеров подобного характера можно найти в архивных документах, относящихся по времени к первому этапу присоединения Казахстана к России, т.е. к периоду с 30-х годов XVIII в. по 20—30-е годы XIX в. В 1785 г., например, хан Младшего жуза Нурали сообщает, что его брат Айчувак-султан со своим сыном Гизгали-султаном, находящиеся в Оренбурге в качестве заложников, написали письма «в каждый киргизкайсацкий род, а особливо в Табынской и в Чиклинской, к детям своим и к Ерали султану... в коих писали: ежели де они отсель, т.е. из Оренбурга освободятся, то от них российскому народу ни малейшей приязни быть не может, и сколько возможности их найдется, мстить не оставят... и чтоб табынский народ с россиянами не сообщался и в близости не находился, а откочевал бы в даль. Вследствие чего дети его, Айчувак, и последующия им Табынского и Таминского родов киргизкайсаки вверх на вершины Эмбы и Темира рек и далее откочевали...» ¹⁵ В 1764 г. хан Среднего жуза Абулмамбет при поддержке влиятельного Аблай-султана «послал Абулфеиз-султана с тем, чтобы кочующих при китайских границах киргизкайсаков, не давая им никакого послабления, согнать к кочевью, к ево, Аблаевой ставке». ¹⁶ И еще один пример, относящийся к более позднему времени, — середине XIX в. Из распоряжения начальника Алатавского округа видно, что казахи Старшего жуза рода Суван по воле и желанию своего султана перекочевали в 1861 г. на зиму в данный округ и, таким образом, остались без зимовок, так как последние обычно находились у них в Китае. ¹⁷

Такого же мнения о характере права распоряжения пастбищами и кочевьями придерживаются и другие исследователи. ¹⁸

Ошибочным является утверждение, что при экстенсивном кочевом скотоводстве земля не может быть основным средством производства, так как к ней не прилагается труд человека, а, следовательно, здесь нет крупной феодальной земельной собственности. «Земля при кочевом скотоводстве использовалась, — пишет С.Е. Толыбеков, — в своем естественном состоянии как всякая полезная вещь природы». ¹⁹ И дальше он уточняет: «...Кочевники, не имея условий для обработки земли,

лишь снимали с нее «сливки» путем использования готового растительного снежного (? — В.К.) покрова почвы и не давали ей ничего». ²⁰ Однако сам же С.К. Толыбеков противоречит этому положению, когда пишет дальше, что «кочевое скотоводство, всегда сопряженное с упорной борьбой (подчеркнуто нами — В.К.) со стихийными силами природы в степи, было подвержено их отрицательному влиянию». ²¹ Действительно, вряд ли нужно говорить о том, какой большой труд затрачивали кочевники-скотоводы во время перекочевок, при сооружении и ремонте глубоких колодцев в безводных местах, а также при организации водопоя скота, в борьбе со стихийными бедствиями (засуха летом, сильные холода и снег, бураны и гололед зимой). С. Зиманов совершенно справедливо отмечает, что все это «было не под силу отдельным индивидуумам и требовало усилий коллектива». ²²

Противоречит себе С.Е. Толыбеков, когда в одном месте утверждает, что «при полном кочевом образе жизни использование пастбищ носило хищнический характер, который выразился в очень быстром их истощении», ²³ а в другом — «кочевание и стоянка аулов в разные времена года были различными стадиями целесообразно организованного выпаса, ухода и выращивания скота. Каждая стадия кочевания имела свою специфику и свое целевое назначение по временам года, вытекающее из требований производственной жизни как момент определенного процесса производства и воспроизводства. Поэтому само кочевание казахов было формой производственной деятельности людей, вылившейся в стройную систему передвижения массы населения в определенное время года в определенном направлении на известной хозяйственной территории с конкретными почвенно-климатическими условиями». ²⁴ В своих критических заметках о книге С.Е. Толыбекова И. Васильченко оставалось лишь сделать логическое заключение из этого высказывания: «Перекочевки имеют целью не только обеспечить кормом и водопоями скот, но восстановить плодородие использованных пастбищ, дабы иметь возможность вернуться к ним в соответствующий сезон следующего года». ²⁵ Н.Э. Масанов также весьма убедительно доказывает, что земля, вернее пастбищные угодья, были одним из основных средств производства, без которого вообще не могло существовать скотоводческое хозяйство. ²⁶ «Скотоводческое хозяйство кочевников было необходимым звеном в жизнедеятельности степных, по-

лупустынных и пустынных ландшафтов, определяя динамику произрастания травостоя и опосредуя обмен веществ различных элементов данной системы». ²⁷

Изложенное выше позволяет считать, что в период казахских ханств (XV—XVIII вв.), а также во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.) у кочевников-казахов существовала крупная земельная собственность, которая выражалась в праве определенной социальной группы феодалов распоряжаться пастбищами и кочевками находящимися в их подчинении казахских родов. В этом заключается одна из основных особенностей феодализма у кочевников-скотоводов вообще, и у казахов в частности. ²⁸

Закономерно возникает вопрос — из кого состояла эта социальная группа кочевых феодалов, которой принадлежало право распоряжения пастбищами? Чтобы полнее ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к истории Казахстана раннефеодального периода, а также в монгольское время. Исследователи считают, что на территории Казахстана феодальные отношения начинают складываться со второй половины 1-го тысячелетия н.э. ²⁹ Однако это развитие происходило весьма неравномерно. И если в Семиречье и Южном Казахстане в XII в. уже существовали, особенно в земледельческих оазисах с оседлым населением, довольно развитые феодальные отношения с крупной земельной собственностью (институт икта), то в степных районах, в Дешт-и Кипчак, у племен кимаков и кипчаков, которые в основном были кочевниками, эти отношения в X—XII вв. только еще начали складываться и ко времени монгольского завоевания их родовые вожди и военачальники еще не успели превратиться полностью в родовую знать — феодальную аристократию. В результате этого в монгольский период (XIII—XV вв.) в тех районах Казахстана, где уже существовали феодальные отношения, местная знать в основном слилась с военно-феодальной аристократией завоевателей. В степных же районах Казахстана, где по существу еще не было своих местных феодалов, утвердилась власть ханов и султанов (торе), которые считались потомками Чингисхана. Чингисиды сохраняли за собой власть над кочевыми родами, а, следовательно, и право распоряжаться кочевьями и пастбищами их, и после распада Золотой Орды. То же самое имел в виду А. Еренов, когда писал, что казахские ханства XV—XVII вв. получили «наследство» от Золотой и Белой орд и государства

тимуридов несомненно более развитые общественные отношения, чем от более ранних государственных образований. ³⁰ Дальше он уточняет это положение: «Господствующей формой земельной собственности во всем Казахстане к XV в. выступала феодальная земельная собственность в виде ханско-султанских владений — уделов, внутри которых существовали вассальные владельцы — беки, тарханы и др». ³¹ Аналогичное мнение высказывает Т.И. Султанов, хотя он считает, что султаны-чингисиды распоряжались пастбищными угодьями (улусами) на правах бенефиция (икты или ленных владений) как принадлежащие к царственному роду, который был верховным собственником земли. ³²

Анализ письменных источников XV—XVII вв. и архивных материалов XVII—XIX вв. позволяет нам с полным правом считать, что это положение в основных чертах сохранилось у кочевников-скотоводов как в период казахских ханств (XV—XVIII вв.), так и во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.). Так, Шади в своей стихотворной хронике «Фатхнаме» пишет:

В своем владении (подчеркнуто нами — В.К.) выделил
благородный (Касым-хан)...

В приятном месте стоянку, подобную раю. ³³

В выдержке из «Тарих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара, ставшей хрестоматийной, рассказывается о встрече правителя Могулистана Султана Саид-хана с казахским ханом Касимом в 1513—1514 гг. на реке Чу. «Лето уже подходило к концу. Казахи по распоряжению Касим-хана (подчеркнуто нами — В.К.) двинулись на зимовки. Касим-хан заявил хану, что поход на шайбанидов в это время представит трудности, ибо жители степи в это время должны подумать о зимовках». ³⁴

Хотя письменных источников по истории Казахстана XV—XVII вв. относительно мало, в них можно найти достаточное число фактов, свидетельствующих о том, что казахские ханы и султаны, обладая правом распоряжаться пастбищами и кочевками, были крупными земельными собственниками. Сошлемся только на одного автора. Ибн Рузбихан в своих «Записках бухарского гостя», написанных в 920 г.х.* (1514—1515 гг.), дважды упоминает о том, что казахские султаны являются собственни-

* Годы хиджры (г.х.) — мусульманское летоисчисление со времени переселения пророка Мухаммада и его сторонников из Мекки в Медину.

ками пастбищных угодий. Так, описывая летние пастбища казахов в Дешт-и Кипчаке, он сообщает: «Вследствие множества скота и нужды в пастбищах они (казахи — *В.К.*) занимают всю эту обширную степь, и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области». ³⁵ То же самое автор говорит о зимних пастбищах казахов: «В каждом известном улусе есть (свой) полновластный султан из потомков Чингисхана, который со своим народом пребывают в какой-либо местности... Султаны сидят там до сих пор еще со времени Юги-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами». ³⁶ Добавим к этому предание, о котором сообщила Т.А. Жданко в своем выступлении на Объединенной научной сессии в Ташкенте. В нем говорится, что представители каракалпакских родов обратились к казахскому хану Таваккулу (время правления 1583—1598 гг.) с просьбой дать безземельным каракалпакам пастбища в урочище Улутау. Хан дал им эти земли, а правителем к ним направил своего сына. Однако через несколько лет они убили присланного султана-правителя. Тогда хан отобрал у них дарованные земельные угодья. ³⁷

Неизбежный для определенного периода феодализма рост феодальной раздробленности был для Казахстана, наряду с другими политическими, экономическими и географическими факторами, очевидно одной из основных причин разделения казахского общества на три больших этнотерриториальных объединения (или союза) племен: — Старший, Средний и Младший жузы, которые в русских источниках, архивных документах и дореволюционной литературе назывались ордами. ³⁸ В то же время не исключено, что три жуза казахов являются отголосками традиции дуальной (триадной) организации казахских племен в прошлом, что, впрочем, было характерно для многих кочевых обществ. ³⁹ Как правило, во главе каждого жуза стоял хан, а в некоторые периоды истории Казахстана ханов было даже больше.

Право распоряжения пастбищами и кочевьями в период казахских ханств (XV—XVII вв.) в результате сложившейся традиции продолжало оставаться за ханами и зачастую лишь номинально им подчиненными султанами. М.П. Вяткин писал по этому поводу: «Классовое положение султанов в казахском обществе определялось прежде всего тем, что распоряжение основным условием производства — землей — находилось в их руках». ⁴⁰ В другой большой работе он отмечал также, что

«узурпация общинных земель (султанами — *В.К.*) выступала в своеобразной форме присвоения знатью права распоряжаться районами кочевков». ⁴¹ К сожалению, М.П. Вяткин был не до конца последователен в вопросе о характере земельных отношений у казахов, так как утверждал, что «материальная основа феодальной эксплуатации — частная собственность на землю — в условиях кочевого хозяйства сложиться не могла». ⁴²

Право распоряжения кочевьями и пастбищами ханы и султаны в основном сохранили и в период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.). Довольно многочисленные свидетельства тому мы находим в письменных источниках и архивных документах того времени. Так, в описании родоплеменного состава казахов, составленного в 1747 г. М. Тевкелевым, сказано, что в Среднем жузе сильный род Аргын состоит из 16 родов: «В сих родах владельцами Барак-султан и Аблай-султан». 9 родов кипчак того же жуза владельца не имеют, а владельцем трех родов увак-гирей был сын Абулхаир-хана — Иррали-султан. ⁴³ Эти сведения дополняет сообщение Джанбек-Тархана в 1749 г., что в Среднем жузе под ведомством Аблай-султана находятся аргинцы из семи родов, а он (т.е. Джанбек-Тархан — *В.К.*) у них старшина. «Найманцы же, де, — сообщает он дальше, — за отлучкою Барак-султана, может быть не выберут ли себе другого кого из султанов... а гирейцы, де, склонны Аблай же султану». ⁴⁴ В этом же году султан Барак сообщает Оренбургскому губернатору, что сан (т.е. 10 тыс. человек — *В.К.*) казахов Кунгратского рода Среднего жуза вступили в российское подданство, а его, Барака, «ханом и владельцем себе приняли». ⁴⁵ В 1761 г. султан Айчувак писал своему брату Нурали-хану (в то время Нурали был ханом Младшего жуза — *В.К.*), что «отец их Абулхаир-хан, Семиродских киргиз-кайсак (т.е. рода Жетыру — *В.К.*) ему, Айчуваку, в особое правление благословил и над ними ево точным владельцем учредил». ⁴⁶

Во многих случаях султаны сохранили за собой право распоряжения кочевьями и пастбищами подчиненных им казахских родов вплоть до введения царским правительством в Казахстане в 20—30-е годы нового административного устройства. Это видно, например, из сведений, собранных в 1822 г. о казахах Младшего жуза Януфрием Ярцевым. Он пишет, что в роде Джакаим племени Чикли, или Чикти, крупного рода Алимұлы имелось шесть колен. В первом из них (Кулумбет) правил сул-

тан Туича Сайпаков, главный бий — Юлдубай; во втором (Бирдунгул) — султан Теуп Каибов, бий — Тулубай; в третьем (Туржунбай) — султан Сарагап Аблазы ханов, бий — Дунан; в четвертом (Баймбет — колене малочисленном) султана нет, бий — Берды ходжа; в пятом (Кумумбет) — султан Буря Тявкеев, бий — Джабу; в шестом (Асан) — султан Муса Тявкеев, бий — Юламан. В роде Кичкине того же племени Чикли, или Чикти, в колене Чинай — султана нет, бий — Сайты; Джулчура — тюря Абулхаир Саппаков (отрасли Сыгаевой); в колене Асан — тюря Исан Джулбарсов (отрасли Сыгаевой); в колене Куттук — тюря Иса Тавкеев и т.д.⁴⁷

У казахов-найманов Среднего жуза, кочевавших в юго-восточной части Казахстана приблизительно в середине XVIII в., владельцем рода Байжигит был султан Санияз, а его сын Камбар подчинил себе в конце XVIII в. другую часть восточных казахов и правил ими приблизительно до конца первой трети XIX в.⁴⁸ Вся восточная часть гор Манрака (вплоть до оз. Зайсан и берегов Черного Иртыша) казахи называли Камбаровыми землями.⁴⁹

Помимо права распоряжения кочевьями подвластных родов султаны имели в своей собственности отдельные, очевидно довольно большие по площади, участки земли — пастбища, на которых пасся их собственный скот. Другим казахам, за исключением тюленгутов, было запрещено кочевать и пасти скот на этих пастбищах.⁵⁰ Такие запретные места, как известно, издавна существовали у тюркских народов и монголов.⁵¹ Сохранились они как во время казахских ханств (XV—XVII вв.), так и в период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.). Т.И. Султанов, основываясь на изучении таджикско-персидских и тюркских источников, отмечает, что «каждый из казахских султанов имел в своем владении определенный район из общей территории степей. Так, местность Кар-Абдал и ее окрестности являлись основными владениями Джаныш-султана, его брата Таныш-султана и сына Ахмад-султана, причем юрт Джаныш-султана отстоял от Кара-Абдала на расстоянии десяти дней пути в зимнее время в сторону Сыр-Дарьи, а юрт Таныш-султана находился в непосредственной близости от «центра зимних кочевий казахов» Кара-Абдала. Кишлак Верховного хана казахов Бурундука и Касым-султана находился где-то на берегах Сыр-Дарьи в местности Аб-и Сыр».⁵²

Ссылный поляк Я. Янушкевич участвовал в качестве чиновника в составе экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Н.Ф. Вишневым, которая принимала в 1846 г. в русское подданство казахов Старшего жуза. В своих дневниках и письмах Я. Янушкевич сообщает, что «долина Ой-Джайляу (приблизительно в районе северных предгорий центральной части Джунгарского Алатау — В.К.) была кочевьем султана Буленя из рода Аблая».⁵³ В другом месте он отмечает, что в районе притока реки Каратал — Егинсу расположены кочевья родных дядьев (султана — В.К.) Барака, которые очень были богаты. Он подчеркивает: «Они кочуют отдельно от своей волости и их окружает видимо-невидимо туленгутов различных родов».⁵⁴

О наличии пастбищ, находящихся в частной собственности султанов (торе), на которых пасся их скот, а также скот их тюленгутов, указывают материалы полевых исследований. Выше уже отмечалось, что восточная часть горы Манрака принадлежала султану Камбару, причем в урочище Койтас — осенне-весенние пастбища. Там же пасли свой скот тюленгуты Камбары. Приблизительно 200 лет тому назад владельцем у казахов-киреев был торе Когедай. У него были пастбища (в настоящее время на этом месте расположены поселки Каратал, Улькен Каратал и Когедай), на которых никто не имел права пасти скот кроме его тюленгутов.⁵⁵ Торе Кулеке руководил казахами рода Тортуул из найманов. Он владел землями в районе нынешних поселков Куаныш и Рожково, а торе Даир — в долине р. Жарлы (здесь имеется поселок Даирова на месте его могилы).⁵⁶

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что высшая феодальная аристократия казахского кочевого общества, состоявшая из ханов и султанов, сохранила за собой как право распоряжения кочевьями и пастбищами подчиненных им казахских родов вплоть до окончательного присоединения Казахстана к России в середине XIX в., так и имела собственные элитарные угодья. Однако это совершенно не означает, что их общественное положение оставалось неизменным в течение всего этого длительного времени.

Уже в монгольский период (XIII—XV вв.) произошло, очевидно, превращение глав и военачальников отдельных казахских родов, которые назывались у казахов биями, в родовую феодальную знать. Однако в отличие от ханов и султанов, ко-

торые были по своему происхождению чингисидами и считались потомками «золотого рода» Чингисхана, бии по своему происхождению были казахами, и каждый из них, как правило, принадлежал к тому роду, который он возглавлял. К концу XVII в. политическое и экономическое влияние биев усиливается в результате перехода к ним судейских функций из рук третейского суда аксакалов, т.е. старейшин. В XVIII в. положение родовой знати казахов-биев еще более упрочилось. Этому в значительной степени способствовали так называемые законы хана Тауке (время его правления: 60-е годы XVII в. до 1715/18 гг.), в которых нашло отражение стремление хана усилить свою власть над непокорными султанами путем возвышения роли биев. По этим законам судебные функции были закреплены только за ханом и биями, тогда как раньше они принадлежали хану и султанам. Кроме того бии получали право наряду с султанами участвовать в съездах феодальной знати.⁵⁷

Бии имели в своих руках власть над управляемыми ими родами и выполняли роль степных судей. Пожалуй, наиболее полная характеристика звания бия дана в одном из архивных документов, подписанном в 1759 г. канцлером В. Воронцовым: «Звание бий и старшина присуждается у них таким людям, которые из кочующих вместе одного рода и улуса киргизцев других летам старея и проворнея, почему такие бии и старшины прочим с ним обще кочующим и предводителями бывают, при походах их, так же и в соглашении и советовании и по прочим их делам некоторую знатность имеют: но как однако же биев или старшинской между ими касакками не наследованной и по смерти такого бия или старшины, доставляет по большей части постороннему человеку, старшему летам других или хотя иногда и сыну прежнего бия и старшины».⁵⁸

Очевидно, уже в период казахских ханств, т.е. в XV—XVII вв., наиболее влиятельные бии начали присваивать себе право распоряжения пастбищами подвластных им родов (т.е. право, которое по выработанным в течение веков обычно-правовым нормам принадлежало только ханам и султанам). Однако тогда это были исключительные случаи. Собственно говоря, в письменных источниках XV—XVII вв., имеющихся в нашем распоряжении, можно найти только одно-два указания на то, что бии были владельцами. Так, Шади в «Фатх-наме» сообщает, что Махмуд-султан (младший брат Мухаммад Шайбани-хана — В.К.), когда бежал из плена Касим-хана и скитал-

ся в степи, нашел приют в местности, имя владельца которой было Кушчи-узбек.⁵⁹ Второй факт приводит Масуд бен Усман Кухистани в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». Он пишет, что Абу-л-Хайр-хан пожаловал управление Узгентом (крепость на Сырдарье между Сыгнаком и Джендом — В.К.) Ваккас-бий мангыту.⁶⁰

Бии имели уже в те времена определенный вес и влияние, так как они, как правило, упоминаются в письменных источниках в числе приближенной феодальной свиты — «мулазимов» того или другого хана. Так, в одном месте «Шайбанинаме» Бинаи говорится, что «в то время мулазимов у хана (Мухаммад Шайбани-хана — В.К.) было не более ста человек. Вот имена бахадуров: из дурманов — внук Йа'куб-бека — Ахир-Заман-бек и его братья Шайх-Салих-бек, Урус-бек и Джан-Вафа-мирза; из кушчи — Даулат-Ходжа-бек и Йа'куб-кукельташ; из уйгуров — Хуш-Амад-аталык и Канбар-Али; из найманов — Хаджи-Вали; из джуркунов — Ураз-бахадур; из йети-мингов — Тайран-бахадур; из чагатаев — Фаррух-бахадур, Тангри-Берды, Айкым-Берды и Дарвиш-Мухаммад; из ички — Ходжа-Асил; из баджиров — Джагир и Чалбаш-бахадур и из асов — Аманлык, Шайхим-бахадур и Сакизак-бахадур».⁶¹

В XVIII—первой половине XIX в. случаев узурпации биями прав распоряжения пастбищами, судя по архивным материалам, становится намного больше. В известной степени в этом сыграла свою роль колонизаторская политика царского правительства, которое стремилось подорвать влияние ханско-султанской феодальной верхушки среди казахов для упрочения своего положения в Казахстане за счет опоры на биев.⁶² Так, в рапорте исполняющего обязанности сибирского губернатора от 11 марта 1763 г. сказано, что в роде Аргын, который «пред всеми многолюдней и храбрейшей», почитается среди казахов Среднего жуза «ныне большую власть содержит старшина их Казбек-бий, которого в этом жузе «за главного судью почитают». Далее объясняется, что «Казбек-бий, которому было тогда 96 лет, так почитается, потому что его отец и предки всегда были биями или судьями... и что в Аргинском роду весьма редко кто из султанов в старшины выбирается, яко то и ныне во всем Аргинском роду, кой состоит из десяти улусов, только два султана состоял».⁶³ Я. Янушкевич в своих дневниках и письмах о путешествии в 1846 г. к казахам Старшего жуза (время присоединения их к России) писал, что султан Сюк Аблайханов

(сын влиятельного в свое время хана Среднего жуза Аблая) был главой казахов-уйсунов, однако совсем поглупел (ему исполнилось 76 лет), и «бий Бейбит из его рода имеет большое влияние и всем заправляет». ⁶⁴

В этом отношении любопытной является просьба бия Тюляка-батыра в 1780 г., в которой он стремится оградить от других казахов и обособить свои сенокосные угодья. Он пишет по этому поводу: «К построенным мне... покоем прикочевывают из степи посторонние киргизцы со своими табунами и травят оные сенокосные места». Дальше он просит русские власти запретить другим казахам это делать. ⁶⁵ Данный документ показывает, с одной стороны, что согласно существовавшим в конце XVIII в. обычно-правовым нормам казахи имели право кочевать на этих землях, а с другой стороны то, что бий Тюляка-батыр, желая превратить их в свою собственность, но не имея на это «законных» оснований и достаточно силы, пытается воспользоваться помощью русских властей.

Попытки баев присвоить себе право самостоятельного распоряжения кочевьями и пастбищами наравне с ханами и султанами рассматривались последними как посягательство на их законные права и сурово пресекались. Историческое предание, связанное с могилой в верховьях р. Терес-Бутак (Центральный Казахстан), содержит рассказ о том, как во времена хана Аблая в этих местах, имеющих «тучные пастбища», мирно кочевали казахи рода Джагабайлы, у них было много животных «и стада их множились». Этого не мог вынести злой хан Аблай. «Давно этот хан просил и требовал себе дани от сынов Джагабайлина и скотом и девушками, но такого позора не хотели нести Джагабайлинцы и провожали посланных хана с простыми подарками». В конце концов, Аблай, «взяв с собой тысячу лучших джигитов»... «разграбил их аулы». ⁶⁶ В этом предании под «сынами Джагабайлина», т.е. сыновьями родоначальника, нужно понимать руководителей этого рода — биев. Это они, в первую очередь, не хотели подчиниться хану Аблаю, за что последний жестоко наказал весь род и подчинил его себе. Аналогичная история была записана нами в 1973 г. у восточных казахов. Согласно народному преданию султан Камбар (о нем уже упоминалось раньше) не мог подчинить себе род Байджигит из найманов до тех пор, пока в нем был жив знаменитый бий Аддияр-батыр. И только после смерти последнего, убив в

жестоком поединке дочь Аддияра по имени Шайлы, Камбар стал управлять этим родом. ⁶⁷

Выше мы уже писали о том, что один из энергичных казахских биев пытался использовать авторитет русских властей для укрепления своего положения. Надо отметить, что к этому приему прибегали, как известно, многие казахские феодалы, начиная с хана Абулхаира, и довольно часто. Показательно в этом плане прошение султана Оптая Чингисова в 1832 г. к русским властям, в котором он также пытается укрепить с помощью последних свое положение владельца определенного рода. Он пишет, что в его волости «состоит из нескольких душ род Чиктыбаевский, которым еще управлял покойный отец мой султан Чингиз, а после его смерти перешли добровольно (подчеркнуто нами — В.К.) в мое заведывание. Ныне находящийся в означенном роду бий Муйнак настраивал людей тем, чтобы отойти от меня под управление сына султана Сартая. А потому покорнейше прошу... оставить их по-прежнему в моем управлении или предоставить меньшему моему брату Сентекулу или же восьмилетнему моему сыну султану Кушану...» ⁶⁸ В этом документе как бы в концентрированном виде представлена эволюция положения высшего слоя феодального класса у казахов — султанов-чингисидов. Если раньше казахи добровольно подчинялись султанам как своим владельцам, то с течением времени они уже отказывались это делать. Первый этап этого отказа заключался в том, что недовольные по каким-либо причинам своим султаном казахи переходили к другому султану. Следующий шаг в этом направлении состоял в том, что казахи переставали вообще признавать над собой власть султанов. В этом отношении показателен пример с западными казахами родоплеменного объединения Адай, которые кочевали в основном на п-ове Мангышлак. Если в 1822 г., судя по сведениям Януфрия Ярцева, их правителем был султан Джантыр Нуралiev, ⁶⁹ то уже во второй половине XIX в. султанов среди них не было. ⁷⁰

Эволюция положения султанов-чингисидов как представителей феодальной верхушки, монополюно распоряжавшихся кочевьями и пастбищами казахов, довольно часто прослеживается на материалах исторических преданий восточных казахов. «Раньше, — говорится в одном из этих преданий, — казахи представляли, что самый справедливый — торе (султан — В.К.)». ⁷¹ Те роды, у которых не было своего торе (султана),

приглашали их к себе или же просили хана назначить им такового. «Байжигит и Жумук (название двух родов найманов — В.К.) просили, чтобы им дали для справедливого решения всех вопросов торе». ⁷² Затем, однако, положение султанов несколько поколебалось и им уже приходилось силой (как, например, это сделал султан Камбар) подчинять себе казахов. И кончилось это все тем, что казахи стали открыто протестовать против господства султанов-чингисидов. Дело доходило даже до убийства последних. Так, в одном из записанных нами исторических преданий восточных казахов, которое так и называется «Как народ от торе избавился», рассказывается о том, как был убит торе Когедай. ⁷³ В этом рассказе имеется еще один необычайно важный для нас эпизод, который раскрывает взаимоотношения между султанами и простыми казахами. У казахов за убийство человека платили штраф — кун, а за убийство хана или султана — семь кунов. ⁷⁴ Таким образом за убийство торе Когедая нужно было платить семь кунов. Тогда бий Назар, представитель рода, который должен был платить кун, на суде биев по этому поводу заявил: «Мы заплатим (семь кунов — В.К.) в том случае, если торе оставят землю и уйдут отсюда, а если они останутся среди казахов, то заплатим казахский кун, т.е. один кун». ⁷⁵ По другой версии на этом суде бий Ултарак заявил казахам-киреям, у которых Когедай был владельцем: «Мы без торе живем, можете и вы жить без него. Возьмите за торе 1 кун как за простого казаха. Если не согласны, мы заплатим 7 кунов, но тогда землю освободите». ⁷⁶

Приведенные примеры достаточно убедительно показывают, что влияние ханско-султанской феодальной прослойки в казахском кочевом обществе падало. Этот процесс особенно усилился начиная с первой половины XIX в. Так, в журнале чиновников колыванских заводов Поспелова и Бурнашева, составленном во время их пребывания в Казахстане в 1802 г., сообщается, что «в Большой орде достоинство ханов ташкентским владельцем совсем уничтожено, и киргиз-кайсаки управляются биями (судьями) или старшинами под властью самого владельца». ⁷⁷ То же самое мы видим в сообщении 1803 г.: «Султаны, происходящие от ханских детей, — пишется в нем, — и быв прежде народными руководителями, в сие время также ввергались в пренебрежение... Родоначальники, султаны и хан, не имея сил обуздать своевольство и привести народ к себе в повиновение, с частью семей своих приблизились к ли-

нии (русских укреплений — В.К.) под покровительство России, а роды, разделяясь с новыми биями, удалились в степи, где и живут сейчас без всякого согласия». ⁷⁸

В приведенных нами ранее сведениях о казаках Младшего жуза, собранных в 1822 г. Януфрием Ярцевым, можно было увидеть, что владения султанов стали значительно мельче. Действительно в XV—XVII вв. и даже в XVIII в. султаны владели большими родоплеменными объединениями казахов, насчитывающими несколько десятков тысяч хозяйств. Так, по сообщениям Ибн Рузбихана в XVI в. Казахское ханство включало в свой состав около 20 улусов, каждым из которых руководил султан, в свою очередь около 20 улусов составляли 3 укрупненных улуса, во главе которых в начале XVI в. стояли сыновья Джанибек-хана: Касым-султан, Джаниш-султан и Таниш-султан. ⁷⁹ По расчетам Т.И. Султанова, каждый улус насчитывал приблизительно 10 тыс. хозяйств, т.е. около 60 тыс. человек, а укрупненный улус — до 400 тыс. и более. ⁸⁰ Султан Аблай был владельцем трех родов: в первом насчитывалось 6 тыс. семей, во втором — 10 тыс. семей и в третьем — 4 тыс. семей. ⁸¹ В начале XIX в., по упомянутым выше сведениям Януфрия Ярцева, видно, что султаны имеют под своим управлением самые мелкие роды, которые в этих сведениях называются «коленами». К этому нужно добавить, что многие из этих «колен», по имеющимся сведениям, управлялись уже не султанами, а биями. ⁸²

Бии, получив, по «Жеты Жарга», или же так называемым законам хана Тауке право судебной власти, широко использовали эти функции для укрепления своего положения и влияния. Однако это влияние в некоторой степени было подорвано введением в 1822 г. «Устава о сибирских киргизах», согласно которому должность биев как судей была объявлена выборной с последующим утверждением государственной властью. В результате этого в ряды старых биев, которые представляли собой родовую феодальную знать, влилось, выражаясь современным языком, новое поколение. В основном это были наиболее «уважаемые» среди казахов люди, т.е. богачи. Весьма образно об этом сказано в рапорте чиновника Александровского: «...Значение биев теперь зависит не от достоинства их собственных голов, а от количества голов ихнего скота». ⁸³ С.З. Зиманов делает совершенно справедливый вывод, что «звание бия становится атрибутом экономически преуспеваю-

шего казахского феодала».⁸⁴ Собственно говоря, бии по своему положению тесно смыкались с другой социальной группой феодального класса у казахов — с баями, к характеристике которых мы переходим.

Уже в период казахских ханств, т.е. в XV—XVII вв., у казахов-кочевников существовала определенная группа феодалов, которая называлась баями. Согласно Ибн Рузбихану, баем называется всякий «влиятельный богач», владелец большого количества скота.⁸⁵ По мнению С.К. Ибрагимова, к их числу относятся те из ханских приближенных, которые названы по их собственному имени без титула, просто с указанием родовой принадлежности.⁸⁶

С.Е. Толыбеков считает, что слово бай в значении богатый бытовало среди кочевых племен, впоследствии вошедших в состав казахского народа, еще до монгольского нашествия.⁸⁷ С этим нельзя не согласиться, так как имущественное неравенство, которое, как известно, возникло в среде кочевников-скотоводов в весьма отдаленное время, в период феодализма неизбежно должно было перерасти в социальное неравенство. Н.Г. Апполова отмечает, что богатую верхушку казахских аульных общин в XVIII—первой половине XIX в. составляли байы, которые были самой многочисленной группой эксплуататорского класса.⁸⁸ Однако эта группа феодалов не обладала правом распоряжения пастбищами и кочевьями, как султаны, т.е. не являлась земельным собственником. К сожалению, в письменных источниках, как и в архивных документах, которые имеются в нашем распоряжении, почти нет никаких указаний на этот счет. Например, в рукописи Я. Гавердовского указывается только, что байские хозяйства — богатые.⁸⁹ Материалы же полевых исследований свидетельствуют о том, что байы не были земельными собственниками. Так, во время нашей экспедиции 1973 г. в Восточный Казахстан один из информантов говорил: «У казахских баев земли не было, ее не давали в енши.⁹⁰ У бая не было своей отдельной земли, она принадлежала всему роду».⁹¹

В период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.) некоторым наиболее выдающимся казахским феодалам из среды биев и баев, которые в русских документах обозначались собирательным термином «старшины», царское правительство за особые заслуги присваивало звание тархана. Первым был удостоен такого звания в 1743 г.

Джаныбек-батыр, который «между всеми старшинами Средней и Малой орд самый знатный и почти с ханом равную силу имеет».⁹² В указе по этому поводу сказано, что тарханство означает «служиваго и от податей свободного человека» и что «достойнейшим старшинам для примера прочим» можно его жаловать.⁹³ Впоследствии многим казахским феодалам за усердную и верную службу правительство присвоило звание тархана. Так, в 1821 г. были возведены в тарханское достоинство бии Аманчи Сангрыков и Жанбырчи Саламасов за участие и усердие во время похода на Бухару.⁹⁴ В 1831 г. тарханство было присвоено старшине Балтакировского рода Бикбулату Бекболову⁹⁵ и т.д. Однако тарханское звание, за исключением первого тархана — Джаныбека-батыра, не было наследственным.⁹⁶ Об этом свидетельствует ответ русских властей в 1844 г. на просьбу известного бия, управляющего Аргинским родом Чеченя Мусина о присвоении ему тарханства, которое имели в свое время его прадед — Джанибек, дед — Даутбай и отец Муса. В этом ответе сказано, что «тарханское достоинство... есть не потомственное».⁹⁷

Термин тархан имеет древнее происхождение. Он встречается у кочевых племен уже в древнетюркское время. В монгольский период это звание широко присваивалось за особые заслуги военным, гражданским и духовным лицам, а также жителям определенной местности. Имевшие тарханские грамоты (ярлыки) освобождались от налогов и наделялись рядом привилегий, им, например, прощались первые девять преступлений. Как правило, и в те времена тарханство было личным и лишь изредка потомственным (до десятого колена, а иногда и навечно).⁹⁸

В литературе существует мнение, что казахские ханы не присваивали звания тархана. Так, С.З. Зиманов пишет, что «до XIX в. (т.е. до хана Джангера казахов Внутренней орды — В.К.) казахские ханы своей властью не могли присваивать звания тархана».⁹⁹ Это явное недоразумение. Достаточно сослаться на два документа, так называемые «грамоты из Сыгнака». В одном из них, относящиеся к середине XVI в., т.е. ко времени, когда в сырдарьинских городах, в том числе и Сыгнаке, правил казахский хан, сказано, что Абу-л-гази Абдар-Рахим-хан-бахадурсултан повелевает считать тарханом Сират-Шайх-накиба. В другой грамоте (первая половина XVII в.) казахский хан предлагает считать тарханами шейхов — потомков Аллама-ий Сыг-

наки.¹⁰⁰ Следовательно, казахские ханы унаследовали от предыдущих правителей среди многих других общественных институтов право присвоения своим подчиненным звания тархана.

Данным правом пользовался, как известно, хан Внутренней, или Букеевской орды Джангер, который раздавал тарханство преданным ему представителям родовой знати для укрепления своей власти. Так, в 1842 г. он сделал тарханом старшину из Таминского рода Исенбая Ходжабекова.¹⁰¹ За время своего ханства Джангер наградил званием тархана довольно много «знатных» биев. Только в одной Таловской части орды в начале второй половины XIX в. насчитывалось 125 тарханов.¹⁰²

Важно подчеркнуть, что звание тархана, присваиваемое как русским правительством, так и казахскими ханами, не было связано с земельными пожалованиями и давалось исключительно представителям казахской феодальной верхушки — биям и баям. Из этого следует, что тарханы по отношению к земельной собственности были в таком же положении, как и остальные феодалы из родовой знати, которые не имели этого звания. То же самое полностью относится и к старшинам, так как ими назывались в русских документах того времени те же самые бии и баи.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод: у казахов-кочевников накануне и во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.) существовала определенная феодальная иерархия, что, впрочем, характерно для любого общества периода феодализма.¹⁰³ При этом хан являлся правителем в пределах всего ханства; султаны, бывшие по отношению к нему вассалами, владели в пределах улусов, т.е. объединений ряда больших родов, из которых составлялось ханство. Для родовой знати биев и баев, наиболее многочисленной прослойки класса феодалов у казахов, султаны уже выступали как сюзерены. Эти представители родовой знати распоряжались в пределах своих родов и более мелких родовых подразделений. Однако между ханами и султанами, с одной стороны, и баями и биями — с другой, существовали существенные различия, несмотря на то, что все вместе они составляли один господствующий в казахском кочевом обществе класс.¹⁰⁴

Первое и основное различие между ними заключалось в том, что только ханско-султанская знать, стоящая на высшей

ступени феодальной иерархии, монопольно пользовалась правом распоряжения пастбищами и кочевьями подвластных им казахов. Родовая же феодальная знать, состоящая из биев и баев, этого права не имела.

Возникает вопрос, на каком основании, каким орудием пользовались бии и баи в казахском кочевом обществе для эксплуатации трудящихся масс кочевников-скотоводов? Ответ можно найти, если еще раз вернуться к вопросу о средствах производства в кочевом феодальном обществе вообще, и у казахов-номадов, в частности. Почти все исследователи, занимающиеся этой проблемой, считают, что при господстве кочевого скотоводства, в отличие от оседло-земледельческих районов, важную роль в качестве средства производства наряду с землей играл скот. С.З. Зиманов пишет по этому поводу: «Вряд ли является правильным признание в качестве средства производства при феодализме только земли или только скота».¹⁰⁵

Во всех исследованиях подчеркивается, что у номадов периода феодализма земля была основным средством производства, а скот — важным, но не основным средством производства.¹⁰⁶ Так, в редакционной статье, подводящей дискуссию о характере патриархально-феодальных отношений у кочевых народов в журнале «Вопросы истории», сказано, что «земля была основным средством производства, однако и скот являлся важным средством производства».¹⁰⁷

Анализ изученных нами источников, позволяет полагать, что в казахском кочевом обществе вплоть до окончательного присоединения Казахстана к России (середина XIX в.) основное средство производства, т.е. земля, находилась в руках высшей феодальной аристократии (ханов и султанов) и была их главным орудием эксплуатации трудящихся масс кочевников-скотоводов, а для родовой феодальной знати (биев и баев) таким орудием в первую очередь являлся скот. Это, естественно, нельзя понимать в буквальном смысле, т.е. что у ханов и султанов не было скота, а родовая знать не имела никакого отношения к земле. Очевидно нет нужды говорить о том, что как ханы, так и султаны были одними из самых крупных собственников скота у казахов. Для них основой эксплуатации трудящихся масс кочевников-скотоводов была крупная феодальная земельная собственность, которая монопольно принадлежала им. В связи с этим Н.Г. Апполова писала: «Классовое положение султанов — представителей наследственной титулованной

аристократии, «белой кости», определялось прежде всего тем, что они имели право распоряжаться кочевьями. В условиях хозяйственного обособления крупных кочевых районов это феодальное право султанов представляло собой не только право собственности на землю на обширной территории, где кочевали подвластные ему роды, но и право регулирования кочевий биев и батыров, находящихся в сфере воздействия их власти». ¹⁰⁸

Мы хотели бы подчеркнуть, что у наиболее многочисленной группы эксплуататорского класса, т.е. биев и баев, основным орудием эксплуатации казахов того рода, в состав которого они входили сами, был скот. Именно через него они имели прямое отношение к земле, занимая лучшие и большие участки пастбищ, которые находились в совместном пользовании всего рода или его подразделений. В связи с этим уместно напомнить высказывание К. Маркса о том, что «отношение к земле и скоту, как средствам производства, представляет неразрывную связь... У пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец, например, — это одновременно и собственность на луга, на которых они передвигаются». ¹⁰⁹ Иначе говоря, родовая знать, обладая большим поголовьем скота, фактически захватывала большую и лучшую часть пастбищ, которые находились в общем пользовании всех членов рода. Данное обстоятельство, как и то, что баи и би, находясь во главе своих родов, занимались регулированием использования пастбищ (первоначально исходя действительно только из хозяйственных нужд) всех членов рода, открывало в дальнейшем им путь для узурпации этих пастбищ в свою собственность. ¹¹⁰ Этот процесс, как уже отмечалось выше, начался еще в период казахских ханств (XV—XVII вв.) и особенно усилился в период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.).

В тесной связи с отмеченным разделением средств производства на землю и скот, а также на основании того, что для ханско-султанской аристократии главным орудием эксплуатации была земля, а для байско-бийской знати — скот, различалась и феодальная рента, которую получал каждый из этих основных слоев эксплуататорского класса казахского кочевого общества. Первые получали в основном продуктовую ренту в форме налога на землю (зякет, сугум и т.д.), вторые — главным

образом отработочную ренту. ¹¹¹ Биям, исполнявшим судебные функции, полагался еще «бийлик», т.е. 1/10 часть иска. ¹¹²

Наиболее распространенным видом отработок у казахов, как впрочем и у ряда других кочевых народов, был «саун», т.е. отдача биями и баями своего скота на выпас с правом дойки беднякам на определенный срок. По истечении этого срока последние должны были вернуть хозяевам этот скот, но уже с приплодом, причем падеж скота от различных стихийных бедствий не принимался во внимание. Таким образом баи и би обеспечивали на весьма выгодных условиях не только уход за своим многочисленным скотом, но и сохранность его. Это обстоятельство отметил еще И.Г. Георги, который писал, что баи делали таким образом «табуны свои как бы вечными». ¹¹³

Другое различие между ханско-султанской феодальной группой, с одной стороны, и байско-бийской родовой знатью — с другой, заключалось в том, что первые составляли высший и привилегированный слой феодальной аристократии, считались чингисидами, т.е. потомками «золотого рода Чингисхана». Это положение отмечают многие исследователи. Так, видный историк Казахстана М. Вяткин писал: «Казахский союз с начала своего возникновения... унаследовал от предшествующей эпохи аристократию «белой кости» — потомков Чингисхана. С первого упоминания о казахах мы во главе казахских общин видели представителей этой аристократии — Жанибека, Гирея, Касима и др.». ¹¹⁴ Еще более определенно по этому поводу высказывается Н.Г. Апполова. «Султаны уже в силу своего происхождения, — пишет она, — являлись чуждым элементом в казахском обществе, представляя собой потомство монгольских и золотоордынских ханов». ¹¹⁵

Необходимо сразу же оговориться, что положение султанов-чингисидов, в частности их происхождение, в связи с задачами данной работы рассматривается только в социальном аспекте. В этническом же отношении они, безусловно, давно смешались с казахами и ничем от них не отличались.

О знатности султанов-чингисидов у казахов рассказывается в записанном Г.Н. Потаниным историческом предании: «В настоящее время у казахов считаются самыми родовитыми те ханы, которые ведут свой род от Чингисхана. (Согласно преданию, Чингисхан был зачат ханской дочерью от солнечного луча, за что она была изгнана из ханского дома. Ее спас богатырь Домбаул, женился на ней и она родила еще четырех сыно-

вей — В.К.). Те же ханы, которые ведут свой род от сыновей Домбаула, считаются уже ниже, а те, которые не могут довести свое происхождение до сыновей Домбаула, считаются просто самозванцами». ¹¹⁶

Вторая группа, была самой многочисленной среди казахских феодалов, однако составлявшие ее бии и баи наравне с простыми казахами входили в определенную кочевую общину, которая, как это отмечает М. Вяткин, Н.Г. Апполова и другие, находилась в зависимом положении от султанов. ¹¹⁷

Одна из основных прерогатив бия — судебное звание — не была наследственной. «Не следует думать, — писал по этому поводу Ч.Ч. Валиханов, — что звание биев было у казахов когда-либо наследственным. Бий Чорман — сын богатого и знатного киргиза (казаха — В.К.) карджасского рода, но не бия... Мы знаем много киргиз (казахов — В.К.), которых отцы были известными биями, но которые сами не носят этого звания». ¹¹⁸

Ханы и султаны в отличие от родовой знати были сформировавшимся сословием — классом феодалов у казахов. «В рабском и феодальном обществе, — писал В.И. Ленин, — различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также особыми сословиями». ¹¹⁹ Особое юридическое место султанов, как высшей аристократии, заключалось в том, что только они могли быть ханами у казахов. «В ханы избирают только султанов, которых достоинство, как мы видим, есть наследственное». ¹²⁰ Согласно казахскому обычному праву, которое «представляло собой по своей сущности феодальное право, а по своей форме — патриархально-феодальное», имело силу закона, ¹²¹ султаны обладали существенными привилегиями перед остальными казахами. За убийство султана, как уже указывалось выше, налагался с виновного «кун», т.е. плата за кровь, в семь раз больше обычного. В отличие от казахов султаны не подвергались смертной казни. За обиду или нанесение побоев простому казаху (не публично) с султана ничего не взыскивалось, если же кто «султана обидит словом или замахнется, но не ударит, тот платит штраф 9-ть разных скотин, а ежели ударит, то 26 скотин и верблюда, или отсечь палец». ¹²²

Султаны представляли сословно-замкнутую группировку и заключали браки в основном только между собой. Так, в ра-

порте от 5 ноября 1846 г. чиновника особых поручений д'Андре о собранных им сведениях о казахских обычаях сказано, что «самолюбие не позволяет пренебрегать дальнейшим султанским потомством и посему киргизка (казашка — В.К.) султанского происхождения не может выйти замуж за простого ордынца, а непременно за киргизца (казаха — В.К.), происходящего от белой кости. Но султану простую ордынку взять в жены себе дозволяется». ¹²³ Однако, по сообщению А. Левшина, последнее не очень поощрялось, различались «султан чистой белой кости, потому, что он происходил от Хана, как по мужской, так и по женским линиям; а этот смешанной белой кости потому, что мать его из простого народа». ¹²⁴ И последнее — только ханы и султаны имели право держать тюленгутов, которые находились в зависимости от них и выполняли различные обязанности (помогали в делах правления, были воинами, слугами, пастухами султанских стад и т.д.). ¹²⁵

Инородческое происхождение (в социальном аспекте) султанов-чингисидов (высшей феодальной аристократии), монопольное обладание ими как правом быть избранными в ханы, так и правом распоряжения пастбищами и кочевьями, а также принадлежащее только им право иметь при себе тюленгутов, были, по нашему мнению, специфичны только для казахского кочевого общества, отличали его от других кочевых скотоводческих народов периода феодализма. Эта специфика возникла как результат определенной конкретно-исторической обстановки, которая сложилась в степных районах Казахстана со времени монгольского завоевания.

Перейдем теперь к земельным отношениям рядовых казахов-кочевников — шаруа, которые были основными производителями казахского кочевого общества. Для большинства из них (исключения составляли тюленгуты) зависимое положение от феодалов, иначе говоря внеэкономическое принуждение, которое являлось одной из основных черт феодальной экономики, осуществлялось через их неперемнную принадлежность к общине (роду). Известный исследователь кочевого хозяйства В.С. Батраков отмечал, что при отсутствии оседлости и прикрепления непосредственных производителей к земле их заменяла традиционная привязанность к роду, переросшая в феодальную крепость. Таким образом род вместе с его пастбищами и кочевьями становился своеобразным феодалом, а иерархия родов и родовых особенностей совпадала у кочевников с иерар-

хией кочевых феодалов.¹²⁶ Полностью разделяя данную точку зрения на род (общину) как своеобразный инструмент внеэкономического принуждения рядовых кочевников-скотоводов, мы добавим, что последние были привязаны к роду не только традицией, но и многими другими нитями, главными среди которых были военно-политические, хозяйственно-экономические и, наконец, идеологические.

Как известно, при феодализме непосредственные производители, несмотря на то, что земля была собственностью феодалов, обладали правом пользования («владения») ею, что и позволяло им вести собственное хозяйство.¹²⁷ У казахов таким субъектом пользования землей было не отдельное хозяйство (каждое хозяйство имело в своей собственности скот), а община (род), т.е. для них было характерно общинное землепользование. Важно подчеркнуть, что это бесспорно признается всеми исследователями казахского кочевого общества.¹²⁸

«Места зимовок и кочевок, — писал И.И. Крафт (один из дореволюционных авторов), — а также обработанные земли считались принадлежащими роду по праву фактического владения и давности».¹²⁹

Наличие общинного землепользования у казахов многократно подтверждается как архивными документами, так и материалами полевых исследований. Из рапорта чиновника Форта № 1 (Казалинск) от 15 февраля 1863 г. видно, что казахи родов Джакаим и Дюрткора (Семенова отделения) кочевали с давних времен зимой без споров «на полуостровах Кук-Арал, Чубар-Арал, Кук-Тырناق. Они занимали огромные пространства земли и не имели надобности оспаривать друг у друга кочевье».¹³⁰ В упоминаемой нами ранее записке Я. Ярцева (1822 г.) сказано, что казахи рода Джакаим зимние кочевья имели в Малых Барсуках, на Каракуме близ р. Сыр (Сырдарья — В.К.). Летнее пастбище джакаимовцев находилось в верховьях р. Иргиз, а также на территории между р. Орью и Биш-Тамаком. Род Булякчура зимой кочевал в песках Барсуки и при устье р. Эмбы, а летние кочевья имел по р. Илеку и трем рекам Берды и т.д.¹³¹

В Центральном Казахстане казахи рода Жомок, входившего в родоплеменное объединение Баганалы (найманы Среднего жуза), кочевали зимой вместе по южным отрогам гор Улутау. Другие хозяйства баганалинцев не имели права занимать эти земли. Исключение составляли лишь роды Сейит, Тней, Эжем

и Балкышы, так как они были наиболее близкими роду Жомок и все вместе составляли крупное родовое объединение — Актаз. Летом же все баганалинцы кочевали вместе, но и здесь было известно место каждого рода. На летнем пастбище допускалось временное перемещение хозяйств, особенно при перекочевках. Когда же все окончательно останавливались на лето, каждый род занимал свое место.¹³² Все роды объединения Тюрткора (алимулы Младшего жуза) имели свои летние и зимние пастбища, и остальные не могли без разрешения там находиться.

Границы родовых земель различались, как правило, по известным могилам, памятным местам и урочищам и т.п. Так, кочевья рода Матай находились на урочище Маркабай мазар, вокруг озер Садырбай и Джубай (15—20 км южнее города Казалинска).¹³³

Приведенные примеры еще раз подтверждают общепризнанное мнение ученых о том, что у рядовых казахов, ведущих кочевой образ жизни, было общинное землепользование. Таким образом, для кочевого феодального общества накануне и в период присоединения Казахстана к России (вплоть до 60-х годов XIX в.) было характерно переплетение крупной феодальной земельной собственности, выразившееся в праве высшей аристократии (султанов-чингисидов) распоряжаться пастбищами и кочевьями подвластных родов (в это время данное право все больше и больше начинает присваивать и самая многочисленная группа казахских феодалов — бии и бай), с общинным землепользованием у рядовых казахов.

Как известно, время окончательного присоединения к России совпало с проведением в последней ряда буржуазных реформ, которые способствовали развитию капитализма.

В.И. Ленин указывал на две стороны развития русского капитализма: вглубь и вширь. Развитие капитализма вширь захватывает во второй половине XIX в. огромную территорию, в том числе и Казахстан. Последний из вассально-зависимого от России государства становился ее колонией. «В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечива-

ют ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь», — писал В.И. Ленин.¹³⁴

Одним из способов превращения Казахстана в колонию были реформы 1867—1868 гг. В 1867 г. было издано «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской Облациях», которые вошли в состав вновь созданного Туркестанского генерал-губернаторства, а в 1868 г. было утверждено «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». Главной целью этих реформ было объединение подвластных России народностей под одно управление, устранение от власти местной аристократии, ослабление родовых начал. На основе этих реформ в Казахстане была введена единая административная система управления, были затронуты вопросы судебного делопроизводства, народного образования и т.д. Важно отметить, что этими реформами все земли огромного Казахского края были объявлены государственной собственностью и передавались в пользование казахских общин. Таким образом, царское правительство лишило казахских феодалов, в первую очередь ее аристократическую верхушку в лице ханов и султанов, права распоряжаться по своему усмотрению пастбищами и кочевьями, т.е., иначе говоря, ликвидировало крупные феодальные землевладения. Исключение составляли лишь те земельные участки, которые были пожалованы царем ханским потомкам. Реформами отменялись и все остальные права и привилегии сословия султанов, и они наравне с другими казахами были причислены к «сельским обывателям», т.е. крестьянам. Царизм был вынужден пойти на эти чрезвычайно крайние для него меры, во-первых, потому, что значительная часть наиболее влиятельных султанов заняли к этому времени враждебную политику по отношению к России, другая же часть султанов почти полностью потеряла свое влияние на казахов; во-вторых, объявление всех казахских земель государственной собственностью открывало перед царским правительством свободный путь для дальнейшей колонизации края. Однако в сознании рядовых казахов-кочевников эта отмена частной земельной собственности как бы узаконивала привычную для них форму земельных отношений — общинное землепользование. Таким образом, в начале второй половины XIX в. была официально ликвидирована крупная феодальная земельная собственность, и феодалы-землевладельцы в лице султанов

лишились своих привилегий и были приравнены к остальным казахам. Это не означало, однако, что реформами 1867—1868 гг. в Казахстане коренным образом были изменены феодальные отношения. Как султаны, так и бии и баи продолжали оставаться обладателями огромных стад скота, который, как отмечалось выше, был одним из важных средств производства феодального кочевого общества и орудием эксплуатации рядовых кочевников-скотоводов.

Как раньше бии и баи, а теперь и приравненные к ним султаны — крупные скотовладельцы — заполняли все лучшие участки общинных (родовых) пастбищ своим скотом, превращая их на практике в свою собственность. Мало того, кочевые феодалы продолжали использовать на основе обычного права, укоренившегося среди казахского народа, право распоряжения пастбищами и кочевьями, особенно в районах, отдаленных от русских административных центров. Собственно говоря, произошло только окончательное слияние позиций двух групп казахского эксплуататорского класса — аристократической верхушки — султанов-чингисидов, или «белой кости», и родовой знати — биев и баев из «черной кости».

Таковыми, в самых общих чертах, сложились земельные отношения у казахов-номадов ко времени окончательного превращения Казахстана в колонию России.

¹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М., 1938; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950; Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. 1954. № 6; Башарин Г.П. 1) История аграрных отношений в Якутии. М., 1956; 2) О патриархально-феодальных отношениях в Якутии конца XVII—первой половины XIX в. // Вопросы истории. 1955. № 3; Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 4; Зиманов С.З. 1) О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 12; 2) Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; 3) Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960; 4) К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане // Вестн. АН КазССР. 1951. № 4; Эфендиев М.М., Першиц А.И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 11; Еренов А. 1) К вопросу права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане // Вестн. АН КазССР. 1953. № 3; 2) Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казах-

стана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955 (Доклад Л.П. Потапова «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана», а также выступления А.К. Карыева, Н.Е. Омелина, В.С. Батракова, А. Еренова, И.Я. Златкина, А.Н. Насонова, А.Б. Турсунбаева, Т.А. Жданко, А.Н. Бернштама, М.Б. Ахинжанова, Н.Г. Апполовой, С.З. Зиманова, С.М. Абрамзона и др.); *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; *Семенов Г.И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974; *Масанов Н.Э.* 1) Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984; 2) Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экономические аспекты номадизма. Автор. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1991 и др.

² *Токарев С.А.* 1) Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л., 1936; 2) Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945; *Шахматов В.Ф.* К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // Вестн. АН КазССР. 1951. № 7; 2) К вопросу о развитии казахской пастбищно-кочевой общины в XIX—начале XX в. // Вестн. АН КазССР. 1958. № 9; 3) Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; 4) Патриархально-феодальные отношения в Казахстане: Вопросы зарождения, специфики и эволюции. Доклад вместо автореферата на соискание ученой степени докт. ист. наук по совокупности опубликованных работ. Алма-Ата, 1962; *Толыбеков С.Е.* 1) О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 1; 2) Вопросы экономики...; 3) Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; 4) Кочевое общество казахов...; Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период... (Выступления С.И. Ильичева, В.Ф. Шахматова, С.Е. Толыбекова); *Турсунбаев А.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967; *Трубецкой В.В.* Переход к оседлости кочевников Ирака. М., 1964.

³ *Марков Г.Е.* Кочевники Азии...

⁴ О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории, 1956. № 1. С.80.

⁵ *Потапов Л.П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов... С.21.

⁶ *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община... С.33.

⁷ *Еренов А.* К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане... С.44.

⁸ *Еренов А.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.

⁹ *Шахматов В.Ф.* Материалы объединенной научной сессии... С.22.

¹⁰ Как известно, Ф. Энгельс указывал на два возможных варианта складывания классового общества: либо путем непосредственного отчуждения прибавочного продукта, либо через монополизацию общественной должностной функции (*К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч. 2-е изд. Т.20. С.183—185). По мнению исследователей, второй путь, т.е. через монополизацию общественных функций, во всемирно-историческом развитии встречается чаще. *Куббель Л.Е.* Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С.258.

¹¹ *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч. Т.25, ч.II. (Капитал, т.III, ч.II). С.165.

¹² Дата откочевки Гирей и Джанибека в Моголистан уточняется в работе Т.И. Султанова — 863(1458—1459) или 864 г.х. (1459—1460). (*Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С.114).

¹³ *Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С.195.

¹⁴ Там же. С.223.

¹⁵ Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). М.; Л., 1940. Т.4. С.49.

¹⁶ Казахско-русские отношения... С.668—669.

¹⁷ ЦГА РК, ф.3, оп.1, д.501, л.16.

¹⁸ Так, Г.И. Семенов пишет в своей работе о распоряжении пастбищами, что это право есть «проявление личной воли казахского хана». См.: *Семенов Г.И.* Проблемы истории кочевых племен и народов в период феодализма... С.61; *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. ... С.93—94.

¹⁹ *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.95.

²⁰ Там же. С.106.

²¹ Там же. С.579.

²² *Зиманов С.* Общественный строй казахов... С.33.

²³ *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.92.

²⁴ Там же. С.579.

²⁵ *Васильченко И.* Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов // Вопросы истории. 1974. № 4. С.195.

²⁶ *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.125—130.

²⁷ *Масанов Н.Э.* Специфика общественного развития кочевников-казахов... С.19.

²⁸ Для меня важно было рассмотреть вопрос о феодальной земельной собственности у кочевых казахов, так как наличие этой собственности в земледельческих оазисах Казахстана у оседлого населения ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Характеристика различных социальных групп казахского кочевого общества, исходя из основных задач данной работы, будет ограничена их отношением к земле.

²⁹ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С.84, 85.

³⁰ *Еренов А.* Очерки по истории феодальных земельных отношений... С.61.

³¹ Там же. С.54.

³² *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. ... С.94.

³³ *Шади.* Фатх-наме // Материалы по истории казахских ханств... С.60.

³⁴ *Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди // Материалы по истории казахских ханств... С.227.

³⁵ *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Перевод, предисловие и приложения Р.И. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М., 1976. С.93.

³⁶ Там же. С.94.

³⁷ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана... С.105.

³⁸ Первые известия о разделении казахов на жузы содержатся в русских источниках. Если раньше считалось, что об этом впервые было сказано в доносении М. Тевкелева, посетившего в 1731 г. казахов Младшего жуза, то в настоящее время первое упоминание о казахских жузах отодвигается на 115 лет раньше, так как в сообщении Т. Петрова и И. Куницына, относящемся к

1616 г., говорится: «И будучи проведали, что в Калмыцкой земле ныне в подданстве и в их послушание Казачья Большая орда да Киргизская орда...». См.: «Расспросные речи в Посольском приказе служивых людей Т. Петрова и И. Куницина о поездке в Калмыцкую землю...» Цит. по кн.: Материалы по истории казахских ханств... С.243.

³⁹ О механизме превращения дуальной организации в триадную путем выделения привилегированной группы, как правило, освобождающейся от несения податей и выполняющей определенные обязанности и занимающей центральное место между правым и левым крылом, см.: *Карагодин А.И.* Дуальная организация у приволжских калмыков // Сов. этнография. 1984. № 5; более подробно о жузах см.: *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.). Алма-Ата, 1968. С.8—19; *Муканов М.С.* Этническая территория казахов в XVIII—начале XX в. Алма-Ата, 1991. С.5—7.

⁴⁰ *Вяткин М.П.* Батыр-Срым. М.; Л., 1947. С.243.

⁴¹ *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941. С.111.

⁴² Там же.

⁴³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках... С.407.

⁴⁴ Там же. С.469.

⁴⁵ Там же. С.489.

⁴⁶ Там же. С.616.

⁴⁷ Отдел рукописей РНБ. Меньшая орда Киргиз-Кайсацкая. Сведения, собранные Януфрием Ярцевым о киргизских родах и султанах. Шифр: КП 1950 / оп.20, д.30, л.77—78.

В этой рукописи весьма образно объясняется слово тюря (торе — В.К.): «Тюрею же именуется всякий сын хана, или султана, или каждый аксюяк (ак сук, т.е. «белая кость» — так назывались часто в русских документах чингисиды в отличие от других казахских феодалов из «кара сук»). Более подробно об этом будет сказано ниже — В.К.), не имеющий никакого управления и власти в делах народных и не начальствующий каким-либо племенем или даже коленом» (Там же, л.94).

⁴⁸ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.973, л.43—45.

Важно отметить, что полевые материалы о султанах Камбаре, собранные мной в 1973 г., подтверждаются рядом архивных документов. Так, плац-майор Сноснягин в своем донесении (1800 г.) сообщает, что он беседовал о Китае с казахом Аксары Джоменовым «ведения султана Камбаре, а кочевье имеет в границах китайских гор при урочище горы Манрака». См.: ЦГИА (СПб.), ф.1264, оп.1 (54), д.366, л.19. В другом архивном документе 1830—1831 гг. по поводу жалобы кокандцев о взыскании долгов с султана Камбара говорится, что русские власти не могут оказать им в этом деле помощь, так как Камбар тогда не состоял в русском подданстве (ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.687, л.2).

⁴⁹ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.973, л.45.

⁵⁰ О тюленгутах см.: *Курылев В.П.* К вопросу об институте тюленгутов у казахов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. С.3—30.

⁵¹ *Бартольд В.* К вопросу о погребальных обрядах у турок и монголов // Соч. Т.IV. М., 1966. С.377—398.

⁵² *Султанов Т.И.* Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв. по персидско-таджикским и тюркским источникам. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С.6.

⁵³ *Янушкевич Я.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С.88.

⁵⁴ Там же. С.142.

⁵⁵ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.8, 26.

⁵⁶ Там же, л.10, 26, 44.

⁵⁷ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. Т.2. С.334—341. Интересно отметить, что эти так называемые законы хана Тауке, или «Жеты Жаргы» («Семь установлений») были выработаны на основании совещания, собранного им в урочище Куль-Тобе Сырдарьинской обл. с участием семи знатных биев из разных владений его ханства (*Продеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы... С.24. *Словохотов Л.А.* Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905. Вып.15. С.43). По другой версии хан Тауке собрал для совета трех знатных биев — Тюля-бия из Старшего, Казбек-бия из Среднего и Айтек-бия из Младшего жузов и утвердил с ними некоторые законоположения (*Спаский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. СПб., 1820. Ч.9. С.185—186).

⁵⁸ Архив внешней политики России, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1759; д.8, л.11.

⁵⁹ *Шади.* Фахт-наме // Материалы по истории казахских ханств... С.84.

⁶⁰ *Масуд бен Усман Кухистани.* Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств... С.159.

⁶¹ *Бинаи.* Шайбани-наме // Материалы по истории казахских ханств... С.110—111.

⁶² *Бекмаханова Н.Е.* Царское правительство и институт султаната в Среднем жузе в XIX в. // Изв. АН КазССР. Сер. общест. 1968. № 2. С.34—40.

Таковую же политику ранее проводили казахские ханы, которые пытались, опираясь на биев, ослабить позиции султанов. По сути дела в так называемых законах хана Тауке бии в ряде случаев приравнивались по положению к султанам. Так, хан, султаны и бии должны были ежегодно собираться осенью «в середине степи, для рассуждения о делах народных». Судейские права признавались только за ханом и биями.

⁶³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках... С.647—648.

⁶⁴ *Янушкевич Я.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям... С.105.

⁶⁵ Гос. архив Омской обл. РФ, ф.1 (1780 г.), д.224, л.17.

⁶⁶ *Кастанье А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. Вып.12. С.74.

⁶⁷ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.973, л.44—45.

Отметим, что одним из косвенных доказательств достоверности этого события может служить наличие в настоящее время в районе северо-восточных отрогов горы Манрак небольшого населенного пункта Чайбулак, рядом с которым находится могила Шайлы.

⁶⁸ ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.741, л.1, 5.

⁶⁹ Отдел рукописей РНБ. Меньшая Орда Киргиз-Кайсацкая... Л.89.

⁷⁰ *Турсунова М.С.* Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. (вопросы социально-экономической и политической истории). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С.4.

⁷¹ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.974, л.2.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, л.4—5. В настоящее время на месте могилы этого торе расположен поселок, который носит название Когелай.

⁷⁴ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей... С.171.

⁷⁵ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.9.

- 76 Там же, л.5.
 77 Казахско-русские отношения в XVII—XIX веках... С.149.
 78 Там же. С.157.
 79 *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани*. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)... С.121, 132, 135 и др.
 80 *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. ... С.81.
 81 Казахско-русские отношения в XVI—XVII веках... С.155.
 82 Отдел рукописей РНБ. Меньшая Орда Киргиз-Кайсацкая... Л.77 и сл.
 83 Материалы по казахскому обычному праву... С.95.
 84 *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.198.
 85 *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани*. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)... С.92.
 86 *Ибрагимов С.К.* «Михман-наме-йи Бухара» Рузбихана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв.... С.146.
 87 *Тольбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.503—511.
 88 *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи... С.70.
 89 Отдел рукописей Института истории АН СССР: Я. Гавердовский. Обзорные киргиз-кайсацких степей. № 34329, ч.II, л.105.
 90 Енши — надел, которым наделял отец женатых сыновей у казахов. Он состоял обычно из скота. Более подробно об этом см: *Аргынбаев Х.А.* Казак халкындагы семья мен неке (тарихи-этнографиялык шолу). Алматы, 1973. 36—40-бет.
 91 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.27.
 92 *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Приложение. С.10.
 93 Там же.
 94 ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.22516, л.15.
 95 Там же, л.12.
 96 *Бижанов М.* Социальные категории казахского общества XVIII в. в трудах русских ученых // Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1960. С.163.
 97 ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2312, л.1, 12.
 98 *Шапшал С.М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Акад. В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сб. статей. М., 1953.
 99 *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.203.
 100 «Грамоты из Сыгнака» // Материалы по истории казахских ханств... С.313—319.
 101 *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. М., 1889. Вып.1. С.53.
 102 ЦГА РК, ф.78, оп.11, д.74, л.115.
 103 *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Немецкая идеология // Соч. Т.IV. С.157.
 104 Нужно иметь в виду, что эти различия четко проводятся только в абстрактно-теоретическом плане, тогда как в действительности можно было наблюдать большие отклонения в ту или другую стороны.
 105 *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.104.
 106 См: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период»...; *Эфендиев М.М.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 11; *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.24, 67 и др.; *Семенов Г.И.* Проблема истории кочевых племен и народов периода феодализма...; *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана... и др.
 107 О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогу обсуждения) // Вопросы истории. 1956. № 1. С.79.

- 108 *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.69—70.
 109 *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Вестн. древнего мира. М., 1940. С.21.
 110 Эти положения весьма детально разработал в своей монографии Н.Э. Масанов. См: *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.125—130.
 111 *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.152—154; *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.76.
 112 Там же.
 113 *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитавших народов. СПб., 1799. Ч.2. С.131.
 114 *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР... С.108.
 115 *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.69.
 116 Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972. С.65—66. С этим преданием тесно перекликается рассказ казахского певца по имени Майкут, который приводил в своей работе Н. Гродеков (См: *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.5).
 117 *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР... С.108; *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи с Россией... С.70.
 118 *Валиханов Ч.Ч.* Записка о судебной реформе // Собр. соч. Т.4. Алма-Ата, 1985. С.87.
 119 *Ленин В.И.* Соч.Т.6 С.311. Примечание.
 120 *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей... С.168.
 121 *Культегеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). Алма-Ата, 1955. С.82, 101.
 122 Материалы по казахскому обычному праву... С.43.
 123 Там же. С.136.
 124 *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей... С.12.
 125 *Курьлев В.П.* К вопросу об институте тюленгутов у казахов...
 126 *Батраков В.С.* Особенности феодализма у кочевых народов // Научная сессия АН УзССР 9—14 июня 1947 года. Ташкент, 1955.
 127 *Поршнев Б.Ф.* Очерк политической экономии феодализма. М., 1956. С.29, 30.
 128 *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.70; *Шахматов В.Ф.* Патриархально-феодальные отношения в Казахстане (вопросы зарождения специфики и эволюции)... С.17, и др.
 129 *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей... С.106.
 130 ЦГА РК, ф.383, оп.1, д.254, л.14.
 131 Отдел рукописей РНБ. Меньшая Орда Киргиз-Кайсацкая. Л.77 и сл.
 132 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.22.
 133 Там же, л.7; д.9187, л.46.
 134 *Ленин В.И.* Еще к вопросу о теории реализации // Соч. Т.4. С.86.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Природные условия Казахстана и основные хозяйственные типы у казахов	17
ГЛАВА ВТОРАЯ. Земельные отношения у казахов накануне и в период присоединения Казахстана к России (XVIII — первая половина XIX в.)	42
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Общинно-земельные отношения у кочевых казахов	78
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Общинно-земельные отношения у полукочевых казахов	155
КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	279
ПРИЛОЖЕНИЯ I—VIII	287

с 30-41

Вадим Петрович Курьлев
**СКОТ, ЗЕМЛЯ, ОБЩИНА У КОЧЕВЫХ
И ПОЛУКОЧЕВЫХ КАЗАХОВ**
(вторая половина XIX—начало XX в.)

Редактор, технический редактор, корректор *И.Н. Ионина*
Художник *К.Б. Серебровская*
Обложка *А.Ю. Харитоновой*
Макет *М.П. Оняновой*
Набор *Е.С. Селиверстовой*

Подписано к печати 25.12.97. Формат 60 × 80 1/16.
18,5 печ. л. Тираж 300 экз. Заказ 331

Лицензия ЛР № 020889 от 25 мая 1994 г.

Петербургкомстат. 197376. С.-Петербург, ул. Профессора Попова, 39